

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

С. К. ПИТЕРЦЕВ, А. А. СТЕПАНОВ

**ТАКТИЧЕСКИЕ
ПРИЕМЫ
ДОПРОСА**

Учебное пособие

*Издание четвертое,
переработанное*

**Санкт-Петербург
2006**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. К. ПИТЕРЦЕВ, А. А. СТЕПАНОВ

ТАКТИЧЕСКИЕ
ПРИЕМЫ
ДОПРОСА

Учебное пособие

*Издание четвертое,
переработанное*

Санкт-Петербург
2006

ББК 67.52

Питерцев, С. К.

Тактические приемы допроса: учеб. пос. / С. К. Питерцев, А. А. Степанов. 4-е изд., перераб. СПб., 2006. 56 с.

В пособии анализируются основные тактические приемы производства допроса на стадии предварительного следствия применительно к различным ситуациям, рассматриваются проблемы тактики допроса подозреваемого, обвиняемого с участием защитника.

Пособие предназначено практическим работникам правоохранительных органов, а также может быть использовано в учебном процессе юридических институтов и факультетов.

© Институт повышения квалификации прокурорско-следственных работников Генеральной прокуратуры РФ, 1994

© Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ,

2006

ВВЕДЕНИЕ

Среди проводимых в ходе расследования преступлений следственных действий допрос, как известно, является самым распространенным. Именно он выступает в качестве основного средства собирания и проверки доказательств, в силу чего от его успешного проведения во многом зависит результат расследования, судьба уголовного дела.

По своему характеру допрос — сложное, многоплановое следственное действие, часто протекающее в условиях так называемой конфликтной ситуации. Достижение целей допроса обусловлено умением следователя изменить данную ситуацию. Для этого требуется высокое профессиональное мастерство, знание человеческой психологии и практическое умение разбираться в психологических особенностях допрашиваемого, а также знание и умелое использование при допросе различных тактических приемов. Допрос — это искусство. И этому искусству повседневно должен учиться каждый следователь.

За многие десятилетия следственная практика выработала множество тактических приемов допроса, а криминалистическая наука проанализировала их, соотнесла с требованиями законности и систематизировала. Однако практика борьбы с преступностью последних лет показывает, что следователи в большинстве своем не овладели этим тактическим арсеналом криминалистики, мало знают о конкретных тактических приемах и ситуациях их применения, часто «изобретают велосипед» в данной области или применяют недопустимые тактические приемы, являющиеся нарушением законности.

Настоятельная потребность хотя бы частично восполнить этот пробел в следственной практике и побудила авторов подготовить учебное пособие для следователей, содержащее анализ основных тактических приемов применительно к различным ситуациям, складывающимся при допросе.

Кроме того, в пособии рассматриваются проблемы тактики допроса подозреваемого, обвиняемого с участием защитника, которые еще не получили своего теоретического осмысления в юридической литературе. По новому уголовно-процессуальному закону защитник стал допускаться на более ранние, чем прежде, стадии расследования. Это обстоятельство в значительной мере усложнило для следователя достижение главной цели допроса подозреваемого либо обвиняемого — установление истины. Возникают трудности, обескураживающие следователя.

Третья глава данного пособия как раз и посвящена исследованию тактических особенностей допроса, обусловленных ранним допуском защитника к участию в деле.

И ранее встречались, но как исключения, факты нарушения отдельными защитниками норм закона при реализации функций защиты в ходе расследования преступлений. Однако сейчас, в условиях тотального господства мафиозной преступности, эти факты перестали быть единичными. В беседах со следователями и руководителями следственных подразделений на местах, а также при проведении занятий со следственными работниками стала чаще вырисовываться проблема, суть которой сводится к следующему. Если первому допросу лица в качестве подозреваемого предшествовало его свидание с защитником наедине, то, как правило, на допросе он отрицает свою причастность к преступлению. Если встреча с защитником состоялась после допроса, на котором он признался в преступлении и дал показания об обстоятельствах его совершения, то на очередном допросе он отказывается от своих прежних показаний либо существенно изменяет их, выдвигая хорошо приспособленную к обстоятельствам преступления и юридически грамотно сформулированную (не по интеллекту и уровню своих юридических познаний) оправдательную версию. В большинстве случаев следователи прямо связывают эти метаморфозы с тайной противозаконной деятельностью отдельных защитников. Помимо этого следственная практика изобилует фактами повального изменения потерпевшими и свидетелями, особенно очевидцами, своих показаний в судах, а нередко и на предварительном следствии, под прямым преступным воздействием мафиозных структур. При этом часто просматривается по деталям «направляющая рука» защитников, допущенных к участию в уголовных делах.

В этой связи необходимо, во-первых, открыто признать, что регулируемая законом деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью подвергается всестороннему — открытому и тайному — противозаконному разрушительному воздействию со стороны заинтересованных лиц, в том числе и со стороны отдельных представителей защиты. Во-вторых, это опасное явление требует немедленного и самого широкого научного изучения, теоретического осмысления и, по его итогам, кардинального изменения законодательной процедуры расследования, поскольку действующая ее модель, что совершенно очевидно, не обеспечивает интересов самого государства в области борьбы с преступностью, не говоря уже о правах и интересах отдельных граждан.

Глава 1

ТАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОДГОТОВКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ К ДОПРОСУ

Изучение материалов уголовных дел, в частности протоколов допросов, а также многолетнее проведение учебных занятий со следователями по теме «Допрос» свидетельствуют, что, к сожалению, следователи часто не готовятся к допросу, пытаясь экспромтом добиться его целей. Разумеется, это приводит подчас к серьезным упущениям, требующим повторных допросов, что существенно осложняет и замедляет расследование.

Так, анализ трехсот уголовных дел показал, что каждый второй свидетель допрашивался повторно, а в ряде случаев — по 5—6 раз. Все это не только значительно увеличивает расход и без того дефицитного рабочего времени следователя, но и подрывает авторитет следственных органов, вызывает справедливое возмущение граждан низким уровнем организации допросов.

Также обратило на себя внимание редкое и неумелое использование при допросах имеющихся в деле доказательств. В 20% случаев при допросах подозреваемых и обвиняемых вообще не были предъявлены доказательства, хотя по обстоятельствам каждого из этих дел такая необходимость была.

По отдельным делам доказательства предъявлялись, но либо явно несвоевременно, либо так, что очевидный по контексту факт их предъявления своего надлежащего отражения в протоколе допроса не получил.

Существенным недостатком многих допросов явилось то, что следователи оставляли неразрешенными явные противоречия в показаниях допрошенных лиц, не пытались установить причины этих противоречий.

Так, по одному из дел свидетель показал, что И. ударил потерпевшую ногой в левую часть головы. В заключении же судебно-медицинской экспертизы указывалось на наличие перелома кости с правой стороны височно-теменной области. Обвиняемый вообще отрицал нанесение удара ногой по голове потерпевшей. С такими очевидными противоречиями дело было направлено в суд. Это обстоятельство значительно осложнило поддержание государственного обвинения.

Допросы часто бывают весьма поверхностными.

Именно по этой причине было возвращено на доследование уголовное дело по обвинению П. в изнасиловании. Совершил это преступление П. в период с 19-ти до 20-ти часов, однако соседям П. по дому, допрошенным в качестве свидетелей, даже не задавался вопрос — видели ли они П. вече-

ром того дня, в какое именно время он возвратился домой. Мать потерпевшей заявила на допросе, что, по словам дочери, у преступника ноги были заметно «кривоватые» в коленях, однако у потерпевшей это важное для изобличения преступника обстоятельство не уточнялось, а сам обвиняемый ни судебно-медицинскому осмотру в рамках экспертизы, ни следственному освидетельствованию в целях обнаружения столь важной анатомической особенности не подвергался¹.

Подготовка к допросу имеет огромное значение. Если следователь не определил предмета предстоящего допроса, не составил перечня конкретных вопросов, по которым нужно получить ответы, и не продумал их четких формулировок, то он, естественно, лишается возможности получить исчерпывающую информацию. Наблюдая, как следователь путается, лихорадочно перелистывает страницы уголовного дела в поисках необходимых материалов, наспех, беспорядочно придумывает и поэтому не лучшим образом формулирует вопросы, допрашиваемый мысленно даст следователю весьма нелестную оценку. Что же касается лиц, имеющих установку на борьбу со следователем и на дачу ложных показаний, то столь очевидная неподготовленность следователя к допросу значительно облегчит этим лицам реализацию их целей.

В этой связи представляется исключительно важным рассмотреть вопрос о том, какие конкретные *тактические задачи* могут и должны решаться на стадии подготовки к допросу. Основные из них таковы:

1. Определить предмет допроса.
2. Изучить личность допрашиваемого.
3. Составить примерный письменный план предстоящего допроса.
4. Определить других участников этого допроса, имеющих по закону право участвовать в нем, и принять меры к обеспечению их участия в допросе.
5. Наметить наилучшие с тактической точки зрения место и время допроса.
6. Подготовить необходимые материалы дела и вещественные доказательства для их тактического использования при допросе.
7. Определить тактическую необходимость использования звуко- или видеозаписывающей техники для фиксации хода планируемого допроса, организовать ее подготовку, пригласить специалистов.

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1986. № 5.

Рассмотрим каждую из указанных задач более подробно.

1. **Определение предмета предстоящего допроса** предполагает изучение и анализ материалов дела, выделение обстоятельств, по поводу которых на допросе необходимо будет получить информацию.

В предмет допроса входят обстоятельства:

1) составляющие в соответствии со ст. 73 УПК РФ предмет доказывания по делу (место, время, орудие, способ совершения, субъект, мотив преступления и т. д.);

2) знание о которых необходимо для достижения промежуточных целей расследования;

3) с помощью которых можно выявить доказательства по делу;

4) знание о которых необходимо для проверки и общей оценки отдельных доказательств;

5) которые, не имея доказательственного значения, могут играть важную тактическую роль¹.

Анализ типичных представлений следователей о содержании понятия «предмет допроса» показывает, что обычно это понятие необоснованно ограничивается обстоятельствами, указанными лишь в первом пункте перечня. Что касается остальных обстоятельств, то отдельные из них попадают в поле зрения следователей крайне редко и, главным образом, случайно. Поэтому огромный резерв информации, полезной для целей расследования, остается на практике невостребованным.

2. **Изучение личности допрашиваемого** является важнейшим элементом подготовки к допросу. Именно с учетом особенностей его личности следует определять стратегию допроса, прогнозировать вероятные «ходы противника», линию его поведения и подбирать тактические приемы, применение которых может принести успех. К числу наиболее существенных сторон личности допрашиваемого, подлежащих изучению, оценке и учету при подготовке к допросу и при его проведении, относятся его интеллектуальные, эмоциональные и волевые качества, уровень его нравственности, характер типичных ценностных и поведенческих установок.

Практика свидетельствует, что отношение следователей к изучению личности даже основной фигуры по делу — обвиняемого (не говоря уже о потерпевшем, а тем более свидетеле) —

¹ См.: Артамонов И. И., Порубов Н. И. Советская криминалистика: Альбом схем. Минск, 1977. С. 131.

может быть охарактеризовано как крайне несерьезное. Обычно оно сводится к получению формальных, малосодержательных характеристик обвиняемого с мест работы и жительства. Почти не используется такой емкий и объективный канал информации о личности обвиняемого, как свидетельские показания.

В этой связи представляется полезным упомянуть о методах получения информации о личности. Вот основные из них:

1) изучение биографических материалов о личности; 2) получение и сопоставление сведений о лице из различных источников; 3) сбор и сопоставление независимых характеристик; 4) анализ учебной и (или) трудовой деятельности лица (его отношение к учебе и труду, успехи, способности, склонность к данному виду деятельности или ее отсутствие и т. д.); 5) анализ различного рода документов; 6) назначение судебно-психологических экспертиз и учет их заключений; 7) непосредственное наблюдение за человеком — за его реакциями, эмоциями, речью, логикой рассуждений, характером оценок и т. п.

Из приведенного перечня видно, как широк диапазон возможностей для фундаментального (когда это нужно) либо просто качественного изучения личности в ходе расследования.

В протоколах допроса свидетелей, дающих характеристику какому-либо лицу, обычно фигурируют только односложные оценки (например, плохой—хороший; жадный—добрый; жулик—честный; грубый—вежливый; алкоголик—пьющий как все, по праздникам — непьющий, трезвенник и т. п.). Нет подтверждения этих оценок системой фактов из жизни, поступков характеризуемого лица, которые бы, с одной стороны, давали следствию новую информацию о нем, а с другой — позволяли бы судить о степени обоснованности и объективности высказанных свидетелем оценок. О всесторонности же исследования при допросе свидетелей личности интересующего следствие субъекта говорить просто не приходится. Следователи часто даже не представляют себе, какие стороны, свойства, качества личности должны быть охарактеризованы.

Приведем примерный круг вопросов, с помощью которых на допросе можно получить характеристику конкретного лица, вполне удовлетворяющую потребности расследования и отправления правосудия.

1. Как давно вы знаете И. (имярек), каковы между вами отношения?

2. Что вы можете сказать о его характере (спокойный, уравновешенный или раздражительный, импульсивный)?

3. Как бы вы оценили уровень его интеллектуального развития (высокий, средний, низкий), что можете сказать о его любимых занятиях, увлечениях?

4. Как он относится к членам своей семьи (родителям, жене, детям)?

5. Как относится к окружающим людям в обычной обстановке и в конфликтных ситуациях (груб, резок, может нецензурно обругать, оскорбить из-за пустяка либо, напротив, всегда ровен, вежлив, уважителен и ничего предосудительного не допустит), не характерны ли для него мстительность, злопамятность?

6. Как он оценивает себя, как относится к своим поступкам, свойственны ли ему эгоизм, самокритичность (приведите примеры поступков, в которых проявились наиболее характерные черты его личности)?

7. Как его оценивают ваши знакомые (кто конкретно), уважают его или нет, какие качества ценят в нем, какие порицают?

8. Как он относится к труду (любит ли трудиться, добросовестен ли в труде, преодолевает трудности или готов «схалтурить», выполнить задание без души, как-нибудь, не переживая за качество работы)?

9. Каково его отношение к алкоголю, как алкоголь влияет на его состояние (угнетает, клонит в сон или резко активизирует, возбуждает) и на поведение, не становится ли он в нетрезвом состоянии непредсказуемым, конфликтным, склонным к агрессии, противоправному насилию?

10. Кто у него друзья — если знаете, назовите. Есть ли у него враги, если да, кто они, на какой почве враждуют?

11. Как он относится к соблюдению законов, правопорядка, правил приличия, совершал ли безнравственные поступки, преступления?

В совокупности приведенные вопросы дают возможность получить достаточно всестороннее представление о человеке. При этом редакция вопросов такова, что позволяет при необходимости вводить в них дополнительные, детализирующие «подвопросы» и с их помощью получать более многогранную и разностороннюю информацию.

Практике известны случаи, когда всестороннее и глубокое изучение личности помогло выдвинуть и подтвердить версию о виновности лица в совершении преступления.

Убийство женщины — преподавателя техникума — долгое время оставалось нераскрытым. Муж потерпевшей заявил, что убийство могла со-

вершить его любовница — К. Данная версия проверялась, но заподозренная отрицала свою причастность к преступлению, ссылаясь на алиби, которое подтвердили ее родители и их знакомая. За неустановлением виновного дело было приостановлено. Через несколько месяцев эту версию стал вновь проверять другой следователь. Были допрошены лица, знавшие подозреваемую в различные годы ее жизни, истребованы из различных организаций характеристики за большой период ее трудовой деятельности. В результате сложился четкий образ эгоистичной и психопатичной женщины, в то же время находчивой, решительной и целеустремленной, готовой любыми средствами добиваться поставленной цели, умеющей подчинять себе людей со слабой волей, в критических ситуациях действующей хладнокровно и продуманно. Однажды был случай, когда ее изнасиловали. Сразу после этого она заманила преступника к себе в дом и создала ситуацию, в которой он выпил стакан коньяку, расслабился. Это позволило его задержать и затем привлечь к уголовной ответственности. Ранее она дважды была замужем, но оба раза неудачно, и поэтому имела большие надежды на своего любовника.

Так обоснованно выдвинутая в начале расследования версия о возможном совершении К. убийства в дальнейшем — именно по мере выявления ряда особых свойств ее личности — становилась все более вероятной, пока, наконец, не превратилась в доказанный факт.

3. Составление письменного плана — одна из основных форм подготовки к допросу. В плане должен быть по возможности исчерпывающе отражен предмет допроса. При обнаружении упущений план следует дополнить. Окончательно принятый к исполнению, он становится важнейшей предпосылкой успеха предстоящего допроса. Главная причина невысокого качества допросов, восполняемого, как уже отмечалось, многократным повторением этого следственного действия, как раз и заключается в отсутствии у многих следователей привычки составлять письменный план допроса, в подмене его мысленной схемой, содержащей лишь самые общие представления о том, что нужно выяснить. Без плана следователь не может знать конечного числа вопросов, исчерпывающих предмет допроса, а посему просто обречен на упущения.

Особую роль в плане играет наилучшая с тактической точки зрения последовательность постановки вопросов, которая определяется с учетом особенностей личности допрашиваемого, а также сведений о наличии и характере его заинтересованности в исходе дела. Прогнозируя уклонение допрашиваемого от правдивых показаний путем лжесвидетельствования, следователь должен дополнить план допроса этого лица особым разделом, назначение которого — уже не выяснение истины по делу (эта задача решается с помощью основной — вопросной — части

плана), а разрушение попыток допрашиваемого скрыть правду. В этих целях требуется наметить конкретные способы и средства тактического воздействия на допрашиваемого, могущие, по мнению следователя, обесценить в сознании допрашиваемого идею сопротивления установлению истины, а для этого — напомним еще раз — необходимо глубокое предварительное изучение личности допрашиваемого.

4. Определение других участников допроса особых проблем не вызывает. Важно только не упустить из виду решение этой задачи, когда, скажем, участие в допросе защитника, педагога, законного представителя несовершеннолетнего допрашиваемого является обязательным по закону (ст.ст. 425, 426 УПК РФ).

5. Выбор места и времени проведения допроса — проблема, требующая детального рассмотрения. Анализ практики организации допроса показывает, что следователи повсеместно и почти постоянно проводят допросы в своем кабинете, вызывая свидетелей в основном повесткой. Такой вызов на допрос весьма удобен в организационном отношении, однако часто неудачен с тактической точки зрения. Известно, что одним из очень эффективных тактических приемов является внезапность допроса. Но о какой внезапности можно говорить, если повестка предписывает гражданину явиться на допрос через несколько дней? Правда, утрата фактора внезапности вряд ли повредит результатам допроса добросовестного, не заинтересованного в исходе дела свидетеля. Он при любых условиях не будет искажать истину. Совсем иное — свидетель, заинтересованный в сокрытии правды. За время до явки к следователю он успеет и обдумать, и согласовать с кем нужно ложную свидетельскую позицию, заручиться наперед поддержкой своих ложных показаний другими лицами. Таким образом, вместо значительных тактических преимуществ, приносимых внезапностью допроса, следователь ставит себя в заведомо худшее по отношению к допрашиваемому положение, находясь в котором ему будет трудно, а порой и невозможно достичь целей допроса.

Лучший способ обеспечить внезапность — явиться для допроса свидетеля к нему на работу (естественно, в его рабочее время), причем без предварительного предупреждения.

В этих же целях можно допросить свидетеля (потерпевшего) и в его доме (квартире). Закон не запрещает таких допросов (но

не в ночное время). Однако этим правом следует пользоваться крайне осторожно. Допрашивая свидетеля в его доме, следователь, образно говоря, играет на чужом поле. «Свое поле» дает допрашиваемому несомненные преимущества как хозяину, но существенно ограничивает возможности следователя, так как он незваный гость. Следователь вынужден приспособливаться к обычному для жизненного уклада семьи свидетеля ходу событий. Необходимой доверительной обстановки для допроса может и не быть (рядом жена, дети свидетеля, уйти которым некуда, и т. п.). Текущие потребности семьи и какие-либо неотложные семейные обязанности могут отвлекать допрашиваемого, а он, в свою очередь, может использовать эти обстоятельства как возможность лучше обдумать ответ на вопрос или уклониться от ответа.

Однако главная опасность не в этом, а в том, что в чужом доме (квартире) следователь может стать жертвой неожиданного, спровоцированного допрашиваемым или членами его семьи события. И если такое событие вызовет у следователя состояние фрустрации (растерянности, дезорганизованности) либо он неправильно оценит ситуацию, то его действия по выходу из этой ситуации могут быть не самыми разумными с позиций самозащиты, законности или этики.

Но если даже ничего неожиданного не случилось и допрос прошел в обычном порядке — это не означает, что все закончилось хорошо. Недобросовестный допрашиваемый, сочтя выгодным для себя или иных лиц скомпрометировать следователя, лучшего случая, чем приход следователя к нему домой (да еще вечером), искать не будет. Достаточно сочинить и направить по инстанциям письменный пасквиль о недостойном поведении следователя в доме допрошенного (скажем, пришел пьяным, буйствовал, оскорблял, угрожал «посадить», пристаивал к жене или дочери, вымогал взятку и т. п.), помимо заявителя эти «факты» подтвердят один—два взрослых члена его семьи и... неприятности для следователя начались.

Тем не менее бывают случаи вполне оправданного допроса свидетелей (потерпевших) у них на дому. К ним относятся допросы стариков, людей с ограниченной подвижностью, слабым зрением, а также тяжелобольных. Здесь риск «нарваться на неприятности» заведомо нейтрализуется очевидно гуманистическими побуждениями следователя. К тому же вероятность провокаций со стороны людей указанных категорий — ничтожна.

6. Предварительная подборка необходимых материалов дела и вещественных доказательств требуется в связи с прогнозированием в отдельных случаях сопротивления допрашиваемого установлению истины и вероятности сложной тактической борьбы. Часто можно предвидеть и по каким конкретным вопросам пойдет тактическая борьба. При этом следует не только подобрать нужные материалы, но и наметить последовательность их использования при допросе, сделать в соответствующих местах уголовного дела закладки, пронумеровать их для быстрого отыскания доказательства в нужный момент допроса. Эти подготовленные к предъявлению на допросе доказательства, включая и вещественные, как раз и призваны сыграть роль тактических (информационных) ударов, направленных на разрушение ложных утверждений допрашиваемого. Не провести такой работы перед заведомо ответственным, конфликтным допросом — значит поставить под удар успех допроса, достижение его целей.

7. Необходимость использования звуко- или видеозаписывающей техники как средства дополнительной фиксации хода и результатов допроса может обуславливаться многими тактическими соображениями¹. Анализ современной практики расследования показывает, что видеозапись допросов применяется гораздо реже, чем это требуется. Причем не так мало следователей, которые такую запись вообще ни разу не проводили. Формально это объясняют чаще всего отсутствием на местах видеотехники, полагая, что этот аргумент убедителен. Фактически же этот вид криминалистической техники не применяется в силу незнания или недооценки тактического значения его использования и нежелания утруждать себя дополнительными заботами по приисканию, подготовке и применению этих средств, поскольку это усложняет процедуру и удлиняет время допроса.

Какой же материал и насколько важный в тактическом отношении могут дать следователю видеодокументы допроса?

Закон определяет возможность их использования в процессе доказывания в качестве приложений к протоколу допроса. Главное достоинство этих документов состоит в том, что в них может содержаться существенная для расследования информация, которой нет, да и не может быть в протоколе допроса. В частности, в материалах видеозаписи фиксируются и речевые, и лекси-

¹ В дальнейшем с целью сокращения текста будет говориться только о видеозаписи, видеоматериалах, видеодокументах, хотя при этом будут иметься в виду соответственно и звукозапись, и фономатериалы, и фонодокументы.

ческие особенности рассказа допрашиваемого, его жестикуляция и мимические реакции по ходу дачи показаний, а также паузы в рассказе или при ответах на вопросы, определенным образом характеризующие процесс осмысления и подготовки допрашиваемым ответов на вопросы, и многое другое. В совокупности же такие видеодокументы отражают ту степень психологической свободы и раскованности лица на допросе, которая убеждает в искренности его показаний.

Но эти документы могут столь же ярко говорить и о противоположном: о труднообъяснимой для лица, дающего якобы правдивые показания, напряженности, немотивированно тщательном (для простой правды) обдумывании ответов на вопросы следователя, уклонении от четких и однозначных ответов на них, многочисленных противоречиях «правдивого» рассказа и неубедительном их объяснении. При этом можно наблюдать ерзанье на стуле, неоправданную подвижность, потение и иные динамические и психофизиологические проявления огромного напряжения, неадекватного ситуации бесконфликтного (при даче правдивых показаний) допроса. Сопоставляя такое поведение лица с содержанием его показаний и характером ответов на вопросы следователя, нетрудно прийти к выводу, что допрашиваемый ведет борьбу со следователем и правдой.

Нельзя обойти вниманием и еще одну важную сторону содержания рассматриваемых документов. Отражая всю процедуру допроса, они свидетельствуют и о том, каким образом следователь вел допрос, в частности, не допустил ли нарушения прав участников допроса и норм, регламентирующих его поведение, а также этических норм.

Материалы видеозаписи допроса, проведенного следователем без каких-либо нарушений закона и этических норм (а так, как правило, и бывает), лишают заинтересованных лиц возможности скомпрометировать результаты допроса с помощью ложных заявлений о допущенных следователем нарушениях закона. Эти лица понимают, что именно анализом данных видеоматериалов их ложные утверждения будут без труда опровергнуты.

Наличие видеодокументов допроса, в ходе которого были получены правдивые показания, безусловно, затрудняет последующее изменение показаний допрошенным, хотя и не исключает этого. Во всяком случае, аргументы типа «я этого не говорил», «следователь запугивал меня» и т. п., обычно объясняющие такого рода изменения показаний, уже не пройдут.

К сказанному можно добавить, что в ряде ситуаций при допросе или при очной ставке использование видеозаписи приобретает особое тактическое значение. Так, можно, на наш взгляд, считать обязательным применение видеотехники при допросе:

1) потерпевшего, находящегося в опасном для жизни состоянии (учитывая, что в случае его смерти исчезнет возможность допросить его еще раз);

2) потерпевших по делам об изнасилованиях (поскольку впоследствии они часто кардинально меняют первоначально обвинительные показания на оправдательные);

3) потерпевших от преступлений, совершенных на почве конфликтов между членами семьи или родственниками (поскольку впоследствии вероятен их сговор и принципиальное изменение показаний);

4) свидетелей, являющихся единственными очевидцами преступления (ибо они могут подвергнуться воздействию заинтересованных лиц и существенно изменить показания);

5) потерпевших и важных свидетелей, если они вскоре после допроса должны отбыть, например, в длительную командировку (этим заведомо исключается возможность их повторных допросов и проведения очных ставок);

6) подозреваемых и обвиняемых, готовых дать правдивые показания, о чем можно узнать из беседы с ними в начальной фазе допроса (с учетом таких ситуаций — а им цены нет — должна быть заранее отлажена система быстрого, в 10—15 минут, введения в действие видеозаписывающей техники);

7) подозреваемого или обвиняемого в случаях, когда у следователя появилось достаточное количество доказательств его виновности в преступлении, а также доказательств, опровергающих выдвинутое им ложное алиби (чтобы дополнительно зафиксировать убедительное — при таких доказательствах — изобличение обвиняемого);

8) на очной ставке, если есть основания опасаться поведенческих эксцессов, в частности агрессии со стороны кого-либо из ее участников (видеозапись будет сдерживающим фактором, а в крайнем случае зафиксирует агрессию). Помимо этого, конечно, ничто не мешает следователю пригласить в кабинет на весь период очной ставки конвоира либо милиционера.

Естественно, в ходе расследования могут возникать и другие ситуации, в которых применение видеозаписи при допросе окажется тактически целесообразным, и это надо всегда иметь в виду.

Глава 2

ОСНОВНЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ДОПРОСА

Выбор тактических приемов существенно зависит от особенностей складывающейся при допросе ситуации. Совокупность таких особенностей, будучи всегда уникальной, неповторимой, в то же время содержит в себе много типичных черт, что позволяет классифицировать эти ситуации.

Как известно, основная цель допроса — получение правдивой информации об обстоятельствах, имеющих значение по делу. По отношению к данной цели в криминалистике выделяют три типичные ситуации при допросе: 1) бесконфликтную; 2) конфликтную с нестрогим соперничеством и 3) конфликтную со строгим соперничеством¹.

Бесконфликтная ситуация характерна тем, что в ней совпадают цели допрашивающего и допрашиваемого. Следовательно желает получить от допрашиваемого правдивые показания, а тот намерен их дать. Налицо кооперация интересов. В такой ситуации нет сопротивления, противодействия.

Иное дело — два других вида ситуаций. Оба они связаны с противодействием допрашиваемого в установлении истины. Различие их состоит в степени противодействия, в уровне соперничества допрашиваемого со следователем за проведение «своей линии», своих интересов.

Нестрогое соперничество имеет место при частичном признании вины обвиняемым (подозрений — подозреваемым) и выражается в попытках частично исказить в свою пользу реальную картину преступления. Такая позиция избирается им в случаях, когда целиком отрицать свою причастность к преступлению он не может либо знает, что есть очевидные уличающие его факты, которыми уже располагает следствие или без особого труда может их установить. Поэтому свое сопротивление он сосредотачивает лишь на тех отдельных сторонах криминала, о которых, по его мнению, следствию может быть известно менее всего и по поводу которых решающее значение могут иметь именно его показания. Чаще всего к таким сторонам относятся мотивы преступления и иные обстоятельства, могущие иметь значение смягчающих ответственность. Такие обстоятельства, которые

¹ Доспулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии. М., 1976. С. 15—16.

подчас трудно бывает опровергнуть, нередко придумываются допрашиваемым и выдаются за реальные.

В ряде случаев позицию нестрогого соперничества могут занимать и свидетели, а также потерпевшие, заинтересованные в определенном исходе дела.

Строгое соперничество характеризуется полным отрицанием подозрений или вины в преступлении, иногда вопреки здравому смыслу, и выражается в крайних, предельных по степени упорства формах сопротивления допрашиваемого установлению истины по делу, вплоть до отказа от дачи показаний. Данная ситуация наиболее типична для допросов лиц, совершивших тяжкие преступления в условиях неочевидности. Высокий уровень сопротивления этих лиц по-своему логичен — слишком велико грозящее им в случае разоблачения наказание и связанные с ним лишения, чтобы не попытаться всеми возможными средствами избежать этого. Встречаются также случаи, когда подобную по упорству позицию занимают свидетели — кто-либо из родственников или друзей преступника. Мотивация их действий примерно та же. Иногда они готовы принести себя в жертву (как укрыватель преступления, лжесвидетель) во имя спасения своего родственника, друга, если уверены, что это поможет достигнуть желаемого результата.

Разумеется, эта ситуация для следователя — наисложнейшая. Она требует концентрации всех его духовных и физических сил, профессионализма, всестороннего и глубокого знания особенностей личности допрашиваемого, а также тщательной подготовки к допросу.

Психологическая сущность допроса — это взаимодействие, а точнее — взаимовоздействие друг на друга его участников. Поэтому, прежде чем говорить о тактических приемах допроса, следует кратко остановиться на рассмотрении вопроса более общего порядка — о методах психологического воздействия.

К числу допустимых, не противоречащих закону методов относятся такие заимствованные из педагогики и широко используемые в повседневной следственной практике методы, как убеждение, внушение, приведение примера, изобличение и другие¹.

Метод **убеждения** состоит в передаче лицу определенных сведений с целью склонить это лицо к конкретному мнению или

¹ См. об этом: Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973. С 87—97.

поступку путем воздействия на его эмоциональную, интеллектуальную и волевую сферы. Метод рассчитан на активизацию положительных качеств личности.

Психологическое **внушение** может состоять в определенных советах, просьбах, предложениях, предостережениях и предупреждениях, адресуемых допрашиваемому с целью повлиять на его поведение или побудить к совершению определенного поступка, а также в воспитательных целях. Оно реализуется как четко выраженное волеутверждение следователя, содержащее в своей основе идею управления поведением лица при допросе.

Довольно успешно применяется такой метод психологического воздействия на допрашиваемого, как **пример**. Это может быть пример из жизни или следственной практики, в том числе и собственной. Суть его — сообщение допрашиваемому о реальных положительных поступках других лиц в ситуациях, сходных со сложившейся для допрашиваемого.

Сущность метода **изобличения** состоит в активном, главным образом логическом, воздействии на допрашиваемого путем демонстрации несостоятельности его позиции, опровержения отдельных его утверждений совокупностью доказательств, добытых в ходе расследования.

Нетрудно заметить, что названные методы тесно переплетаются между собой, особенно три первых. Это объясняется тем, что крайне трудно четко разграничить их по содержанию. И тем не менее общее представление о них следователю необходимо иметь.

Переходя к рассмотрению тактических приемов допроса, следует определиться в исходном понятии.

Возьмем за основу всеупотребительное понимание тактического приема как способа действий, призванного обеспечить достижение целей любого вида деятельности. Применительно к допросу тактический прием можно определить как основанный на законе и согласующийся с нравственными требованиями способ воздействия допрашивающего на допрашиваемого с целью получения всесторонней, полной и объективной информации по делу с наименьшей затратой сил и времени.

Очевидно, что в ходе даже несложного допроса следователь прибегает не к одному, а к нескольким тактическим приемам. Допросы же, протекающие в условиях соперничества, требуют применения целого ряда приемов, смены одних другими, когда использованные не дали желаемого результата. На их выбор

вливают: вид сложившейся ситуации, объем и качество имеющихся к моменту допроса доказательств и т. п. Многое зависит и от уровня профессионализма следователя, от арсенала тактических приемов, которыми он владеет.

Главная психологическая задача вводной (начальной) фазы допроса — установление психологического контакта с допрашиваемым, а основная тактическая цель — выполнение задачи определенными тактическими средствами. В этой фазе допроса происходит очное изучение личности допрашиваемого. Получаемые при этом непосредственные представления следователь сопоставляет с данными заочного изучения (проводившегося на этапе подготовки к допросу) и, суммируя всю полученную информацию о допрашиваемом, намечает общую стратегию допроса.

К числу тактических средств, используемых для установления психологического контакта с допрашиваемым, относятся тактические приемы эмоционального воздействия. Среди них можно выделить: 1) вовлечение в беседу по теме, представляющей взаимный интерес (как правило, он возникает, если тема беседы затрагивает общность «мы»: мы — отцы, мы — спортсмены, мы — книголюбы и т. п.)¹; 2) снятие психологической напряженности лица, вызванного на допрос; 3) создание благоприятной обстановки допроса (ровный, спокойный тон разговора, уважительность к собеседнику, проявление такта, внимания к нему, понимание его проблем и т. п.); 4) обращение к положительным качествам личности собеседника, к его заслугам, знакам общественного признания и уважения и т. д.

В основной (рабочей) фазе допроса психологической задачей следователя является поддержание и укрепление психологического контакта с допрашиваемым, а тактической — получение правдивых показаний. В ходе свободного рассказа допрашиваемого о событии, входящем в предмет допроса, следователь может использовать такие тактические приемы, как напоминание о чем-либо; уточнение, детализация чего-либо из сказанного; пресечение лжи в начале рабочей стадии допроса и т. п.

В завершающей части допроса важно закрепить психологический контакт с допрашиваемым на случай возможного в дальнейшем его участия в других следственных действиях. Тактическая же задача при этом — оценить полученную информацию с

¹ Васильев В. Л. Юридическая психология. М., 1991. С. 336—339.

позиций ее всесторонности, полноты и объективности и, при обнаружении пробелов, восполнить их с помощью постановки дополнительных вопросов.

Спектр тактических приемов, обычно применяемых в бесконфликтных ситуациях, довольно узок, так как допрашиваемый не препятствует установлению истины. Основное их значение — помочь допрашиваемому в припоминании, детализации тех или иных сведений об освещаемом им событии. К их числу криминалисты относят приемы смежности, сходности, наглядности, контрастности и другие¹.

Прием смежности позволяет установить определенные сведения о событии или предмете, которых допрашиваемый не помнит, с помощью сведений о других событиях или предметах, находящихся в пространственной или временной связи с искомыми. Например, очевидец криминального события не может вспомнить его дату. Тогда следователь предлагает ему вспомнить другие события того дня, которые предшествовали криминалу или последовали за ним. Среди ряда частных событий, о которых расскажет очевидец, нетрудно выбрать такие, дату которых легко установить либо на этом же допросе, либо с помощью других следственных действий. Скажем, свидетель сообщит, что увидел преступление, возвращаясь от сестры, к которой заходил после работы, получив в тот день зарплату, чтобы отдать ей долг. Установить день зарплаты, а с ним и дату преступления (они — смежные события) теперь не составит труда.

Прием сходности применяется в случаях, когда допрашиваемый затрудняется вспомнить или правильно выразить в словесной форме какой-либо признак интересующего следствие явления, лица или предмета. Тогда допрашиваемому предлагается подобрать аналог этому признаку, например, назвать известного всем (через телевидение, кино, театр и т. п.) человека либо знакомый всякому предмет с таким же признаком. Именно аналог делает ясным для следователя содержание искомого признака.

Очень близок к названному прием наглядности. С его помощью также можно получить точную словесную либо цифровую характеристику того или иного признака события, действия, предмета. Иногда бывает трудно точно назвать цвет предмета, описать его форму, указать расстояние между объектами. Здесь может помочь классификатор цветов, цветовые аналоги —

¹ См.: Доспулов Г. Г. Указ. соч. С. 72—74.

предметы, находящиеся в кабинете следователя или видимые через окно на улице. Правильность названного допрашиваемым расстояния между конкретными объектами обстановки места происшествия можно проверить, подведя его к окну кабинета и предложив показать любые два объекта на улице, находящиеся примерно на таком же расстоянии. При явной ошибке допрашиваемого в цифровом определении расстояния производится корректировка его первоначальных утверждений и записывается правильный, проверенный следователем и согласованный с допрашиваемым ответ.

Прием контрастности может помочь в припоминании обстоятельств, по поводу которых сначала допрашиваемый говорил «не помню», «забыл». Вот пример применения такого приема: на вопрос следователя «Какого роста были оба нападавших?» допрашиваемый ответил «Не помню». Тогда вопрос был дополнен контрастом: «Они были одинакового роста или различались?». Ответ после небольшой паузы: «Один был выше другого почти на голову, а тот, что меньше, — примерно с меня ростом».

Гораздо шире спектр тактических приемов, используемых в ситуациях, когда допрос носит конфликтный характер. Да и сами приемы по своему содержанию сложнее рассмотренных выше. Их выбор в значительной мере связан с количественной и качественной характеристиками доказательственной базы, которой располагает следователь к моменту допроса.

Все различия в доказательственной базе при их обобщении можно свести к трем следующим позициям: 1) имеется совокупность доказательств, вполне достаточная для изобличения допрашиваемого во лжи и, часто, в совершении преступления; 2) такие доказательства имеются, но их недостаточно для изобличения допрашиваемого и 3) есть некоторые косвенные доказательства, дающие основание лишь для подозрений, не более.

При наличии доказательств, полностью изобличающих допрашиваемого, не желающего давать правдивых показаний, должны быть стимулированы все его положительные личностные качества, логически правильно и тактически умело предъявлены доказательства. Практические работники считают предъявление доказательств основным тактическим приемом допроса, и это вполне понятно, так как в большинстве случаев следователь получает результат, к которому стремился.

Как отмечает А. Б. Соловьев, «...использование доказательств при допросе представляет собой тактический прием по реализации находящейся в распоряжении следователя доказательственной информации как путем непосредственного ее предъявления (демонстрации), так и опосредованными способами ознакомления с ней допрашиваемого с целью изменения ошибочной или ложной позиции, а также получения от него показаний о предъявленных ему доказательствах и связанных с ними обстоятельствах расследуемого уголовного дела»¹.

Использование доказательств для избощления — сложная тактическая задача, требующая высокого профессионального мастерства следователя, тщательной предварительной подготовки, тактической гибкости. Практикой выработаны различные способы использования доказательств при допросе.

Один — предъявление доказательств в порядке возрастающей силы. Сначала предъявляются менее значимые, затем более значимые и, наконец, вводятся решающие доказательства, свидетельствующие о совершении расследуемого преступления конкретным лицом.

Другой, противоположный, способ связан с предъявлением, в первую очередь, наиболее веского, решающего доказательства. В случаях, когда следователь имеет дело с лицом, впервые совершившим преступление и остро переживающим содеянное, имеет смысл сначала предъявить наиболее веское доказательство, например показания свидетеля-очевидца по делу об убийстве, а затем, с учетом степени его воздействия на допрашиваемого, решить — есть ли необходимость приводить другие, менее значимые доказательства, например косвенные. Такой порядок тактически более прост и экономит время и усилия следователя.

Третий способ — предъявление по многоэпизодным делам отдельных доказательств или их групп по разным эпизодам. Как показало изучение практики, при разоблачении ложных показаний обвиняемых по таким делам следователи предпочитают использовать имеющуюся у них совокупность доказательств на одном из допросов, а не распылять ее частями на нескольких, охватывая каждый раз лишь часть эпизодов. Это позволяет с большей эффективностью использовать и элемент внезапности предъявления отдельных доказательств и, кроме того, создает

¹ См.: Соловьев А. Б. Использование доказательств при допросе. М., 1981. С. 5—6.

солидный, концентрированный фон общего изобличения лица в преступной деятельности в целом, который может поколебать и разрушить его прежнюю позицию. При этом последовательность анализа эпизодов и приведения по ним доказательств следователь определяет сам, не связывая себя хронологией эпизодов. Можно щедро привести доказательства по ряду хорошо доказанных эпизодов, чтобы попытаться убедить допрашиваемого в бессмысленности — на фоне общего изобличения — сопротивления по другим, менее доказанным эпизодам.

Необходимость в широком использовании при допросе комплекса простых и сложных тактических приемов возникает в ситуациях, когда доказательства недостаточно либо имеются лишь косвенные доказательства. В этих ситуациях могут успешно применяться следующие тактические приемы.

1. *Беседа*. Данный прием имеет весьма широкий спектр применения. По форме — это доверительный разговор, который может предшествовать допросу, а иногда — становиться его частью. Сама по себе беседа не решает задач допроса, а служит лишь тактическим средством для их решения. Цель беседы состоит в оказании на собеседника психологического (главным образом эмоционального) воздействия в нужном следователю направлении. В одних случаях беседа полезна для установления психологического контакта с допрашиваемым, в других — имеет профилактический характер (например, если во вводной части допроса замечены колебания, элементы неуверенности в поведении), в третьих — преследует «разведывательные» цели, когда важно выяснить настроение и намерения лица перед допросом или допрошенного ранее лица, скажем, перед очной ставкой либо другим следственным действием с его участием. Беседа, как правило, не фиксируется письменным документом, ибо процессуального значения не имеет. Однако если в ходе беседы неожиданно получают освещение проблемы, входящие в предмет доказывания по делу, то разговор следует перевести в допрос и зафиксировать необходимые сведения в обычной протокольной форме.

Управляя ходом допроса, следователь в соответствии с законом занимает доминирующую позицию в диалоге, тогда как допрашиваемый — относительно пассивную: он лицо управляемое (не он, а ему задают вопросы и, будучи свидетелем или потерпевшим, он обязан отвечать на них). Беседа же протекает по иным законам. Она требует определенного равенства сторон. Именно при этом условии она может приобрести тот особый доверительный харак-

тер, который и делает ее тактически значимой. В беседе следователь должен в известной мере раскрыться как человек, а иногда — дозированно — и как профессионал, показать себя лицом, достойным доверия, способным понять чужую тревогу и боль, человеком, который не злоупотребит искренностью собеседника.

Поскольку беседа — это более или менее длительная тактическая процедура, причем далеко не всегда простая, следователь должен использовать (при необходимости) и другие, более частные тактические приемы.

2. *Снятие напряжения.* Следственная практика свидетельствует, что вызванные на допрос лица уже в момент явки в кабинет следователя нередко находятся в состоянии психического напряжения либо приходят в такое состояние в ходе допроса. Естественно, это затрудняет ведение и ограничивает возможности достижения целей допроса. Следователь должен уметь замечать внешние проявления психического напряжения и использовать свои наблюдения в тактических целях.

Обычно о психическом напряжении допрашиваемого говорят не соответствующие ситуации нормального делового общения закрепошенность, скованность в речи, движениях, реакциях либо, напротив, повышенная моторика, рассеянность и другие аномалии в его поведении. Снять такое напряжение можно с помощью тех или иных тактических приемов, выбор которых зависит и от знания следователем причин напряженности собеседника, и от правильности оценки свойств его личности.

В одних случаях данное напряжение может обуславливаться самим фактом вызова гражданина (впервые в его жизни, например) на допрос в следственные органы. Это наблюдается у людей добропорядочных, но слабохарактерных, боящихся властных, силовых структур. В такой ситуации бывает достаточно нескольких простых, успокаивающих слов, проявления внимания и благожелательного тона в начале беседы, чтобы напряжение у собеседника быстро исчезло.

В других случаях психическое напряжение вызванного на допрос может быть связано с совершением им преступления, не известного следователю. Он боится допроса, полагая, что речь пойдет о его «грехах». Но, узнав, что предмет допроса с его криминальным поступком не связан, допрашиваемый обычно успокаивается, и допрос входит в нормальное русло.

Чаще всего психическое напряжение определяется заинтересованностью допрашиваемого в сокрытии своей или чьей-либо

причастности к преступлению и необходимостью в связи с этим лгать, скрывать определенные факты, исследуемые на допросе. Напряжение при этом вызывается боязнью допустить ошибку в борьбе со следователем, опасениями, что заготовленная ложная версия может быть опровергнута.

В такого рода ситуациях следует, выбрав удобный момент, указать допрашиваемому на несколько конкретных признаков его напряженного состояния, отметив несоответствие последнего правдивым, по его утверждению, показаниям. Затем нужно сообщить, что его показания не соответствуют действительности и это несложно доказать, и что ему лучше не обременять себя ложью, а перейти к даче правдивых показаний. Умело используя эти и подобные им аргументы общего порядка, следователь может убедить допрашиваемого в бесполезности сопротивления и получить правдивые показания. Если же это не даст положительного результата, следует применить другие тактические приемы, скорее всего — связанные с предъявлением конкретных доказательств.

3. *Использование положительных качеств личности допрашиваемого.* Давая ложные показания, намеренно противодействуя установлению истины, субъект понимает, что действует противоправно и аморально, что тем самым проявляет на допросе далеко не лучшие свои человеческие и гражданские качества. Поэтому обращение следователя к лжесвидетельствующему не с осуждением и негативными, критическими оценками, к которым тот был готов заранее, а с высокой оценкой его некоторых положительных качеств, поступков, достижений может оказаться весьма неожиданным для него. Умело сопоставляя позитивные личностные качества допрашиваемого, его высокий авторитет, заслуги в настоящем или прошлом и т. п. с частным, единичным фактом лжесвидетельства, способным перечеркнуть в его судьбе все заслуги и достижения, можно побудить его к отказу от принятой первоначально позиции и даче правдивых показаний. При этом полезно предъявить допрашиваемому его положительные характеристики, показания друзей, коллег по работе о его достижениях, положительных чертах, почетные грамоты и другие документы, свидетельствующие о его заслугах и авторитете.

Так, директор комбината бытового обслуживания Ковалев был задержан за дачу взятки. Ранее он был награжден медалью «За боевые заслуги». Следователь сумел показать Ковалеву несопоставимость его настоящего со славным прошлым. Это подействовало на Ковалева, и он рассказал не

только о даче взятки, но и о том, что систематически получал их от подчиненных. В дальнейшем, стремясь искупить вину, исправить причиненное им зло, он активно помогал следствию в полном раскрытии всех фактов взяточничества¹.

На практике встречаются случаи «вынужденного» лжесвидетельства, обусловленного угрозами физической расправой со стороны заинтересованных лиц. Здесь тактическая задача следователя — по возможности погасить у допрашиваемого чувство страха и опасения, показывая маловероятность реализации угроз, с одной стороны, и гарантируя принятие мер по обеспечению его безопасности — с другой.

4. *Пресечение лжи.* Когда на допросе лицо дает ложные показания, перед следователем возникает проблема — как поступить: оформить эти показания протоколом в обычном порядке, надеясь в ходе дальнейшего расследования опровергнуть их, или с помощью тактического воздействия на допрашиваемого (эмоционального либо логического) попытаться пресечь лжесвидетельство на уровне рассказа (до записи в протокол) и добиться правдивых показаний.

Первый вариант плох потому, что записанные ложные показания лица в дальнейшем будут связывать его и существенно затруднят переход к правде. Второй же позволяет завершить допрос получением правдивой информации. Если следователь имеет доказательства для опровержения ложных утверждений допрашиваемого, то ими надо воспользоваться. Последовательным их предъявлением допрашиваемому (логическое воздействие) можно обесценить в его сознании идею лжесвидетельства и побудить к отказу от нее.

В ходе допроса водитель Н., совершивший наезд на велосипедиста, вследствие чего тот погиб, стал утверждать, что наезд произошел исключительно по вине погибшего, резко вильнувшего рулем велосипеда влево. Это утверждение противоречило материалам осмотра места происшествия, фотоснимкам следов на автомобиле и велосипеде, свидетельствовавшим о том, что при столкновении контакт произошел между центральной частью переднего бампера автомобиля и задним колесом велосипеда, находившимся по отношению к автомашине в перпендикулярном положении. Предъявлением этих материалов ложь допрашиваемого сразу же была разоблачена, и он стал говорить правду.

Но если необходимых доказательств очень мало либо они требуют проверки, то использовать их при допросе нельзя и,

¹ Следственная практика. Вып. 73. С. 65.

следовательно, логическое воздействие в данном случае исключается. Остаются возможности лишь эмоционального воздействия на допрашиваемого. И здесь все зависит от мастерства следователя, с одной стороны, и от личностных особенностей допрашиваемого — с другой. Если указанные попытки не принесут успеха, то ситуация вынужденно разрешается по первому варианту (в протоколе оказываются зафиксированными ложные показания субъекта).

5. *Выжидание.* В психологической установке лица на дачу ложных показаний изначально заложен (в соответствии с известным законом диалектики) противоположный компонент — сомнения в полезности и целесообразности реализации этой установки при определенных условиях. Следственная практика показывает, что при одних условиях у допрашиваемого не возникает сомнений в необходимости давать ложные показания, а при других, напротив, — сомнения эти настолько актуализируются в его сознании, что заставляют отказаться от первоначальной установки и формируют новую — говорить правду.

В основе указанных сомнений лежит понимание свидетелем (потерпевшим) противоправности лжесвидетельства и как следствие — вероятности привлечения к уголовной ответственности за него, а для подозреваемого, обвиняемого — будущего подсудимого — понимание того, что лжесвидетельство может быть расценено судом как акция непокаяния и привести к ужесточению наказания.

На учете названных сомнений как раз и основывается применение тактического приема выжидания. Столкнувшись с ложной версией, следователь должен попытаться убедить допрашиваемого в том, что следствие располагает достаточными возможностями опровергнуть его утверждения. Приведя необходимые аргументы, следователь объявляет небольшой перерыв в допросе и предлагает допрашиваемому подумать о сказанном (оставаясь в кабинете или, что лучше, выйдя в коридор), взвесить все «за» и «против» и принять решение о характере показаний, которые он после этого перерыва будет давать. Суть приема состоит в том, чтобы сначала обесценить ложную версию и параллельно актуализировать блокирующие эту версию сомнения, а затем оставить допрашиваемого на некоторое время наедине с самим собой в ситуации нарушенного психологического равновесия с задачей сделать окончательный выбор, выждать, какой выбор он сделает.

Умелым применением данного приема следователь чаще всего добивается успеха.

6. *Допущение легенды.* Данный тактический прием дает хорошие результаты во многих ситуациях, но особенно — при опровержении ложных алиби.

Столкнувшись с ложными показаниями, следователь должен сделать вид, будто верит всему, о чем говорит допрашиваемый, скрывающий свою или чью-либо причастность к преступлению. В тактических целях он имитирует принятие ложной версии допрашиваемого, т. е. допускает легенду. В рамках этой легенды необходимо использовать детализацию показаний.

Желая придать убедительность своим показаниям, лгущий вынужден насыщать свой рассказ многочисленными и четко обрисованными деталями. Это несложно, когда описывается какое-то реальное, истинное событие. Лгущий же рассказывает о событии, дающем ему алиби, либо полностью вымышленном, нереальном, либо имевшем место в прошлом, но сознательно смещенном во времени на период совершения преступления. Готовясь к допросу, лжец формулирует свою версию схематично, в общих чертах, придумывает для ее иллюстрации лишь несколько деталей, ошибочно полагая, что этого будет достаточно. Задача же следователя — поставить перед допрашиваемым как можно больше (50, 70, 100) вопросов и именно о деталях описываемого им события. Эти вопросы и призваны заставить допрашиваемого врасплох.

Сложность его положения состоит в том, что он не может давать неинформативных ответов на требующие деталей вопросы следователя, так как сразу подорвет доверие к своей версии. Ему нельзя говорить «не знаю», «не видел», «не заметил», «не обратил внимания», ибо у него нет выбора — он связан своей версией и обязан подкреплять ее позитивными ответами на вопросы следователя, касающиеся деталей. А поскольку событие, дающее ему алиби, — вымышленное, детали к его ложной схеме заранее продуманы не были, то дающему ложные показания ничего другого не остается, как «на ходу» сочинять, придумывать эти детали.

Если в основу алиби лжец положил реальное событие прошлого, но искусственно сместил его во времени, то при проверке выдвинутое алиби не только не получит подтверждения, но будет со всей очевидностью опровергнуто.

Допущение легенды в сочетании с детализацией показаний очень эффективно и в борьбе со сложным, согласованным с

одним или несколькими лицами алиби. Каждое из этих лиц на допросе будет, естественно, излагать общую, согласованную версию (например: «...Мы все трое были у Ивана с 18 до 23 часов, пили чай, смотрели телевизор, потом разошлись...»), назовет 3—4 заранее оговоренные детали в ее подтверждение. Следователь же своими многочисленными и одинаковыми для каждого допрашиваемого вопросами о деталях «прихода к Ивану и ухода от него», чаепития (20—30 вопросов только по процедуре чаепития), о последовательности и содержании телепередач, об одежде каждого из них «в тот день», о порядке размещения за столом и т. д. поставит их перед необходимостью сочинять, придумывать «на ходу» эти детали. Но каждый придумает разные, и они не совпадут. Таким образом, согласованная ложь обнаружится.

7. Внезапность вопроса или предъявления доказательства. По ходу изложения допрашиваемым своих ложных построений следователь, определив нужный момент, задает ему вопрос не по теме его рассказа, а о том или ином обстоятельстве его (или другого лица) причастности к преступлению. В таком контексте вопрос приобретает характер внезапного, неожиданного. Чтобы заранее повысить эффект этого тактического (информационного) удара, следует сначала задать большое число вопросов в русле темы, излагаемой допрашиваемым, создавая видимость, что только эта тема интересует следователя. Внезапный вопрос необходимо ставить в очень краткой и четкой редакции, чтобы не дать возможности допрашиваемому сделать вид, что он не понял вопроса и просит повторить его. Задавать этот вопрос нужно в том же тоне и темпе, как и все предыдущие, так как изменение голосовых модуляций при его постановке насторожит собеседника прежде, чем завершится формулировка вопроса.

Внезапный вопрос рассчитан на создание стрессового состояния допрашиваемого. Оно возникает в силу резкого контраста между длительной спокойной беседой и неожиданным переходом к другой, нежелательной и опасной для него теме. Этот вопрос выражает уверенность следователя либо в совершении преступления самим допрашиваемым либо в сознательном сокрытии им лиц, его совершивших. По содержанию вопрос может касаться преступления и как целостного события, и любой из его отдельных сторон.

Следует добавить, что данный прием может успешно применяться вслед за допущением легенды. Длительное обсуждение

оправдательной легенды и ее детальная запись в протоколе (помимо своих собственных тактических целей) служит прекрасной тактической составляющей для внезапной постановки «ударного» вопроса, а равно для внезапного предъявления доказательства, избобличающего допрашиваемого во лжи.

Однако внезапным при допросе может быть не только вопрос, но и предъявление доказательства (чаще всего вещественного). Неожиданное предъявление предмета, документа, имеющего очевидное обвинительное значение, используется как тактический, информационный удар, как резкий контраргумент против легенды допрашиваемого, по существу опровергающий ее. Нетрудно себе представить эффект предъявления находящегося под арестом лицу, обосновывающему при допросе ложное алиби, написанной им и отправленной нелегально «на волю», но перехваченной работниками следственного изолятора записки, текст которой избобличает его в преступлении.

Запланировав еще на этапе подготовки к допросу внезапное предъявление предмета или документа, следует сначала наметить место его скрытного предварительного размещения при допросе, а затем определить место и, хотя бы примерно, момент неожиданной демонстрации этого предмета (документа) допрашиваемому. При этом нужно учесть возможность попытки допрашиваемого неожиданно для следователя завладеть этим доказательством (с целью уничтожить его или использовать как орудие насилия против следователя) и принять меры предосторожности. Факт предъявления доказательства должен быть отражен в протоколе допроса, попытка незаконно завладеть им, а тем более уничтожить или использовать против следователя — тоже.

8. *Отвлечение внимания.* Данный тактический прием надлежит применять в ситуациях, когда следователь уверен, что допрашиваемый (чаще всего — подозреваемый) не даст правдивых показаний о каком-либо событии, связанном с преступлением. Суть приема состоит в том, что с целью отвлечения внимания допрашиваемого от связи данного события с преступлением следователь ставит это событие в совершенно иной контекст, что и обеспечивает получение правдивой информации о данном событии.

Из показаний торгового работника П. стало известно, что одну из взяток госторгинспектору М. он передал в его квартире во время ужина в присутствии отца М. Последний еще посочувствовал П., сетовавшему на трудности работы в торговле, и рассказал, что в 1971 году сам работал

продавцом в хлебном магазине. На следствии отец и сын М. отрицали не только получение взятки от П., но и встречу с ним. В пенсионном деле отца М. не было сведений о работе в торговле, ничего не знал об этом и его сын. Если прямо спросить об этом старшего М., то он может дать неправильные показания и важная улика будет утрачена. По этим соображениям допрос отца М. был проведен под видом проверки правильности и полноты сведений, содержащихся в его пенсионном деле. В таком контексте свидетель, естественно, не скрывал своей трудовой деятельности и рассказал, что в 1971 году несколько месяцев работал в хлебном магазине.

После этого перед ним вновь был поставлен вопрос о встрече с П., но свидетель продолжал отрицать ее. Тогда следователь огласил ему выдержку из показаний П. и предложил объяснить осведомленность последнего о работе старшего М. в торговле в 1971 году. Такая постановка вопроса оказалась для старшего М. совершенно неожиданной, и он рассказал о встрече с П. в квартире сына¹.

9. *Инерция.* Этим приемом можно воспользоваться в ситуациях, когда допрашиваемый скрывает событие, интересующее следователя. Он основан на законе инерции, перенесенном из сферы физики в область психологии. Создавая условия для применения данного приема, следователь в ходе допроса ведет с допрашиваемым разговор на какую-либо отвлеченную тему. Обсуждение ее ведется в ровном, спокойном темпе, в доброжелательном тоне и столь долго, сколь следователь сочтет необходимым для достижения промежуточной цели — сосредоточить внимание, память, функции самоконтроля собеседника только на этой теме. Затем, выбрав соответствующий момент, следователь задает вопрос из области совершенно иной, нужной ему темы, но не меняя при этом ритма беседы, ее тона, никак не выделяя этого вопроса (ни голосом, ни особой редакцией, ни иными акцентами). Втянувшийся в бесконфликтную по теме и по характеру беседу, «убаюканный» ее спокойным и ровным течением, допрашиваемый может по инерции дать правдивый ответ на вопрос по запретной теме прежде, чем осознает, что этого не надо делать. Невольно сообщив то, что предполагалось скрывать, и понимая, что это саморазоблачение, допрашиваемый может преградить сопротивление и рассказать правду.

Вот пример удачного применения этого приема при допросе убийцы. 19 июля С. заявил в милицию о пропаже В. — дочери хозяина дома, в котором он жил. Через пять дней дети, гулявшие в лесу, обнаружили труп девушки. Состояние и поза трупа свидетельствовали о ее изнасиловании. В затылочной части головы имелись две огнестрельные раны. Отец В., находясь на фронте, оставил ее на попечение С. и его жены, а дом сдал им

¹ Следственная практика. Вып. 73.

в аренду. Подавая заявление, С. сообщил, что утром 18 июля — в день исчезновения девушки, он ушел на работу в пекарню, однако, по сведениям отдела кадров треста хлебопечения, С. в пекарне не работал. Из дома В. исчезли три ковра, два плюшевых одеяла, мужской костюм, облигации на 18 тыс. рублей.

Примерно через год С. был изобличен в подделке удостоверения об увольнении с военной службы и других документов, за что был арестован. На чердаке дома, где он жил, был обнаружен пистолет такого же калибра, как и тот, из которого была убита В. Охотно признаваясь в подделке документов, С. выражал готовность понести за это заслуженное наказание, ходатайствовал об ускорении расследования. О результатах проведенного в доме после его ареста обыска ему было неизвестно. Он также не знал, что следователь из Москвы, ведущий «его дело», одновременно расследовал и факт убийства В. В ходе одного из допросов С. следователь выяснял различные обстоятельства из его жизни. С. явно рисовался, рассказывая о своей прошлой военной службе, говорил, что воевал и много раз участвовал в боях, что он хороший стрелок, стрелял почти без промаха, причем левой рукой, так как был левшой. Следователь решил воспользоваться этим важным сообщением С. и, как бы продолжая разговор и тему стрельбы, спросил: «Зачем нужно было дважды стрелять в В.?». «Я думал, что промахнулся», — быстро ответил С., но спохватился и стал отказываться от сказанного, однако вскоре понял, что допустил серьезную ошибку, и дал развернутые показания об обстоятельствах и мотивах убийства.

10. *Использование «слабых» мест личности.* В ходе допроса следователь может с успехом использовать для получения правдивых показаний «слабые места» личности допрашиваемого. Естественно, сначала их надо обнаружить. К числу слабостей личности можно отнести недостатки интеллекта, трусливость, вспыльчивость, тщеславие, прямолинейность и т. п. Практически любая из названных и им подобных слабых сторон личности допрашиваемого может быть использована в тактических целях для нейтрализации его сопротивления установлению истины. Через «слабости» идет управление его поведением. Но при этом обязательно соблюдение следующего нравственного условия: тактическое использование «слабости» не должно основываться на ее поощрении и способствовать ее закреплению и развитию. Напротив, по завершении допроса нужно найти и высказать допрашиваемому позитивную, возвышающую его в собственных глазах оценку факта дачи им правдивых показаний.

Например, на трусливого свидетеля, дающего ложные показания, можно успешно воздействовать в тактических целях напоминанием об уголовной ответственности за лжесвидетельство и соответствующими комментариями к закону, предусматривающему такую ответственность. Когда же он, испугавшись

правовых последствий, даст правдивые показания, этот факт следует оценить как мудрое с его стороны и основанное на правильном понимании своего гражданского долга поведение и поблагодарить за него.

11. *Повторность допроса.* Повторные допросы одних и тех же лиц, как уже отмечалось, — одна из самых тяжких бед современной следственной практики. Они свидетельствуют о плохой либо вообще не проводившейся подготовке к первоначальному допросу, о некачественном его проведении. Однако повторный допрос выступает не только как способ восполнения упущений и устранения недостатков первого. Он может выступать и совершенно в иной роли — тактического средства (приема), помогающего выявить факты намеренного искажения допрашиваемым истины и одновременно содержание и детали ложной информации.

Повторный допрос следует применять, например, после дачи лицом ложных показаний. При этом требуется соблюсти важное условие — обеспечить относительно длительный интервал (скажем, месяц или более, если позволяют сроки следствия) между проведенным допросом (с ложными показаниями) и планируемым повторным.

Цель длительного перерыва между этими допросами состоит в том, чтобы использовать свойство человеческого мозга освободить оперативную память от малозначительной информации, не допускать ее в так называемую долговременную память, дабы не перегружать последнюю балластной информацией. На повторном допросе лицу предлагается вновь подробно рассказать о событиях, ложно представленных ранее, причем этот допрос ведется точно по той же программе, той же совокупности вопросов, что и первый. В этом — тактическая идея повторного допроса.

Общую схему ложно описанного ранее события допрашиваемый может помнить и аналогично воспроизведет при повторе, а вот детали (цвет, размеры, последовательность, иные признаки и частные моменты), поскольку они реально не существовали, а были им придуманы, легко и довольно быстро забываются. На повторном допросе солгавший ранее вынужден придумывать их заново, а посему они во многом не совпадут с прежними деталями. Тщательно сопоставляя детали, характеризующие основные стороны исследовавшегося на обоих допросах события, можно узнать — какие именно стороны этого события были искажены. Полученный материал можно использовать для расши-

рения направлений расследования, поиска новых доказательств, а также — как комплекс противоречий для логического воздействия на допрашиваемого.

12. *Демонстрация возможностей расследования.* Сущность данного тактического приема заключается в демонстрации допрашиваемому некоторых современных возможностей установления каких-либо скрываемых им обстоятельств независимо от его показаний. Названный тактический прием допроса встречается в двух вариантах. В одних случаях допрашиваемому демонстрируются возможности получения изобличающих его доказательств путем производства определенных действий (допросов, очных ставок, осмотров и т. п.). В других — ему показываются возможности применения современных научных методов исследования доказательств при проведении различных видов экспертиз.

Так, нередко встречаются ситуации, когда доказано несколько эпизодов преступной деятельности обвиняемого и есть основания полагать, что тот совершил и ряд других, пока еще не выявленных преступлений. Тогда может оказаться полезным сообщение обвиняемому о том, как следователь будет действовать дальше по выявлению и доказыванию других эпизодов его преступной деятельности. При этом полезно дополнить данный прием методом убеждения допрашиваемого в том, что лучше оказывать содействие следствию, так как все равно все эпизоды будут выявлены, а также разъяснить допрашиваемому значение чистосердечного раскаяния и активного способствования раскрытию преступления как смягчающего ответственность обстоятельства.

На момент допроса подозреваемого К. следователь располагал только двумя доказанными фактами получения им взяток за незаконную прописку граждан. Изъяв из паспортного отделения документы о прописке гр-н З. и Ш., следователь путем допроса свидетелей и осмотра документов установил, что от имени жильцов квартиры, на площадь которых прописывались взяткодатели, К. учинил подложные подписи в форме № 15 об их согласии на прописку этих лиц. При допросе следователь ознакомил К. с доказательствами по двум указанным фактам и разъяснил, что он намерен изъять все документы о прописке граждан, разрешение на которую давал К., и допросить по ним квартиросъемщиков о том, знают ли они граждан, прописанных на их жилплощади и давали ли согласие на их прописку. После демонстрации таких возможностей следствия К. не только признал получение взяток от З. и Ш., но и назвал еще восемь граждан, с которых получил взятки за незаконную прописку.

При расследовании фактов получения директором магазина взяток за продажу холодильников (в связи со спецификой магазина в нем не велся журнал регистрации лиц, записавшихся на получение холодильников) следователь к моменту допроса подозреваемого выявил путем осмотра документов мастерской по гарантийному ремонту многих лиц, которые приобрели холодильники в данном магазине за последние несколько лет.

Во время допроса следователь показал подозреваемому список покупателей холодильников, объяснил, на основании каких документов он составлен, и предупредил, что все указанные в списке лица будут допрошены по поводу дачи подозреваемому взяток. Тут же следователь разъяснил допрашиваемому значение чистосердечного признания и раскаяния. Взвеив объективные возможности следователя таким способом изобличить его во взяточничестве, подозреваемый признал более десяти не известных к тому времени следствию фактов получения взяток¹.

13. *Создание преувеличенного представления об осведомленности следователя.* Данный прием предполагает сообщение допрашиваемому сведений о каких-нибудь частных обстоятельствах событий, связанных с исследуемым, при одновременном умолчании о главном событии или отдельных его сторонах. Тактическая идея этого приема такова: подробную информацию следователя о частностях, связанных с главным событием, и умолчание о важных сторонах главного события допрашиваемый может принять за свидетельство всестороннего знания данного события, признать тактическую борьбу со следователем при этих условиях бесполезной и перейти к даче правдивых показаний.

Описанный прием характеризуется словесным механизмом, но нередко в тех же целях можно успешно использовать письменные документы и предметы. Они выступают имитационными средствами, которые в ситуациях скрываемой допрашиваемым осведомленности или его причастности к преступлению могут побудить его к даче правдивых показаний. Прием этот сложен и в ряде случаев имеет характер тактической комбинации (сочетания приемов). Приведем примеры использования данного приема в разных вариантах.

Расследуя факты краж вещей из автомашин граждан на стоянках у гостиниц, следователь получил оперативные данные о причастности к ним гр-на Н. Уликами, позволявшими задержать и допросить Н. в качестве подозреваемого или произвести у него обыск, следователь не располагал. С помощью работников уголовного розыска он за короткое время изучил личность Н., его связи, привычки, увлечения, интересы.

Вызвав Н., следователь начал с ним беседу на отвлеченные темы. Н. не смог скрыть охватившего его беспокойства. Оно еще более усилилось,

¹ Следственная практика. Вып. 120. С. 88—89.

когда он убедился, что следователю досконально известны его связи, характер отношений с друзьями, увлечения, запросы и другие обстоятельства его образа жизни. Полагая, что интерес к нему следователя не случаен, Н. утвердился в мысли, что следователю известно и о его преступлениях. Не выдержав, Н. заявил, что хочет рассказать обо всех совершенных им преступлениях, поскольку «и так все известно».

Второй пример. Г. был задержан при продаже наручных часов, похищенных вместе с другими ценностями и деньгами из квартиры А. На допросе он показал, что кражи не совершал, а часы его попросил продать не знакомый ему мужчина, пообещав угостить за это водкой. Но ознакомившись с заключением эксперта о том, что следы пальцев рук, обнаруженные на дверце шкафа в квартире А., оставлены именно им, Г. признал факт совершения этой кражи, однако заявил, что все ценное и деньги, за исключением наручных часов, у него похитили, когда он в пьяном виде заснул на автовокзале. При обыске дома у Г. каких-либо улик не нашли. Из оперативных данных стало известно, что похищенные ценности и деньги он отнес на квартиру к своей сожительнице В. Оснований же для производства у нее обыска в деле не было. Вряд ли что мог дать и ее допрос, поскольку она ранее была судима за кражу, характеризовалась отрицательно. К тому же на момент задержания Г. она находилась в длительной командировке, о чем он знал.

В соответствии с разработанным планом В. была отозвана из командировки администрацией учреждения, где она работала. Как и ожидалось, на допросе она заявила, что Г. является ее сожителем, но совершал ли он какие-либо преступления — ей не известно. В тот момент, когда В. подписывала протокол допроса, работник уголовного розыска ввел Г. в кабинет следователя, и тот, увидев В., не смог скрыть своей растерянности. Следователь же со словами: «Большое спасибо, Вы свободны», проводил ее до дверей кабинета (в коридоре ее встретил работник уголовного розыска и отвел в другой кабинет).

Подписав протокол допроса В. уже в присутствии Г., следователь обратился к нему с вопросом: «Так как же быть с возвращением денег и ценностей потерпевшему?» Факт появления В., о которой он не давал никаких показаний, в кабинете следователя, выражение ей следователем благодарности и наличие на столе протокола ее допроса создали у Г. убеждение в том, что она во всем созналась. И он тут же рассказал, что передал В. похищенные ценности и деньги, указал место, где они были спрятаны. После этого дала правдивые показания и В.

Подчас в тех же целях (создание преувеличенного представления у допрашиваемого об уликах, имеющихся у следователя) можно использовать предмет — аналог вещественного доказательства. Сущность приема заключается в пассивном показе допрашиваемому предметов, по внешним признакам схожих с предметами, имеющими отношение к делу. При этом недопустимы ни ссылка на предъявляемый предмет как на веществен-

ное доказательство (он таковым не является), ни наделение его чужими качествами и признаками.

В милицию сообщили о доставлении в больницу К. с проникающим ножевым ранением в область живота. Раненый показал, что его на улице ударил ножом О. за то, что он прекратил брачные отношения с его дочерью. К. подробно описал приметы ножа, ибо ранее видел его в доме О. — своего тестя. На допросе О. отрицал нанесение ножевого ранения К., при обыске в его доме ножа, соответствовавшего описанию К., не нашли, а родственники О. показали, что подобного ножа в доме не имелось.

Тогда следователь подобрал кухонный нож, похожий на описанный К., и перед допросом О. положил на свой стол. Как только О. ввели в кабинет, следователь, после небольшой паузы, убрал нож, однако О. успел его заметить и сразу же изменился в лице. Следователь снова стал разъяснять О. значение чистосердечного раскаяния как обстоятельства, смягчающего ответственность. После некоторого колебания тот дал правдивые показания.

В данном случае следователь не обманывал О. и не прибегал к какой-либо фальсификации доказательств. Он не только не ссылался на данный нож как на вещественное доказательство (это было бы обманом), но и вообще о нем не упоминал. Если бы О. не был виновен в нанесении ножевого ранения К., то он просто не реагировал бы на не известный ему нож.

Преступление было совершено на территории ИТК, где подозреваемый и потерпевший отбывали наказание. К. нанес Е. несколько ножевых ранений, после чего сам доставил его в санчасть в бессознательном состоянии. При этом К., полагая, что от полученных ран Е. умрет и его выдать не сможет, заявил, что подобрал Е. раненым, свою причастность к преступлению категорически отрицал, держался уверенно и вызывающе. И все же потерпевший остался жив, но потерял способность говорить и писать. Об этом подозреваемый не знал.

Необходимо было каким-то образом дать знать подозреваемому, что Е. жив. С этой целью потерпевшего сфотографировали вместе со следователем. Во время очередного допроса К. на столе следователя среди бумаг было разложено несколько таких фотографий. К. сразу же увидел снимки, узнал Е., которого считал умершим. Все его внимание в дальнейшем сосредоточилось на фотографиях. Следователь как ни в чем не бывало продолжал допрос. К. несколько раз просил следователя показать ему снимки, и тот, наконец, разрешил К. посмотреть их. Было заметно, что допрашиваемый потрясен, но следователь ничего не говорил и не спрашивал об этих фотографиях и, закончив допрос, отпустил К. На следующем допросе К. дал правдивые показания, признавшись в покушении на убийство Е.

Данный тактический прием очень хорошо совмещать при допросе с результатами обыска.

При обыске в квартире П., производившемся в его присутствии, было изъято незначительное количество ценностей, после чего на допросах он длительное время упорно утверждал, что у него ничего больше нет.

Решив использовать указанный прием, следователь перед вызовом П. на очередной допрос разложил на своем столе золотые монеты, изделия и бриллианты, изъятые у других обвиняемых.

Когда П. ввели в кабинет, он в течение нескольких секунд видел разложенные на столе ценности, которые следователь тут же стал поспешно убирать, бросив фразу: «Подождите минуточку». Конвоир, извинившись, вывел П. в коридор, а когда по разрешению следователя вновь ввел его в кабинет, никаких ценностей на столе уже не было.

Допрос был кратким и касался малозначительных деталей преступной деятельности П. Он был в подавленном состоянии, хотя и старался сдерживать волнение. Возвратившись в камеру, он попросил бумагу и написал заявление, в котором указал места хранения всех ценностей, добытых преступным путем.

Увидев на столе следователя ценности, обвиняемый вообразил, что это «его» ценности. Если бы у него дома не было спрячено подобных ценностей, приобретенных преступным путем, то данный тактический прием просто не дал бы результата, так как для обвиняемого предъявленное явилось бы нейтральной, не касающейся его информацией и не могло повлечь самооговора. А поскольку следователь на допросе официально ему этих ценностей не предъявил (и не мог, ибо они не «эти»), то П. решил их выдать сам, рассчитывая на снисхождение¹.

А вот несколько иной вариант данного тактического приема.

Заведующая сельским магазином Ч. была уличена в сбыте «левого» керосина, поставившегося ей водителями райсельхозтехники. Признав несколько таких фактов, Ч. убеждала следователя, что рассказала всю правду. Установленные следствием водители, занимавшиеся доставкой керосина в хозяйства района, отрицали какую-либо связь с Ч. Обоснованно полагая, что ряд преступных эпизодов Ч. скрывает, следователь поступил так.

В день этапирования Ч. из следственного изолятора в отдел милиции были вызваны водители райсельхозтехники, в отношении которых имелись оперативные данные о преступной связи с Ч. Всех их рассадили в коридоре отдела так, чтобы обвиняемая, проходя в кабинет следователя по узкому коридору, обязательно их увидела. Когда обвиняемая зашла в кабинет, следователь спросил Ч.: «Надежда Константиновна, Вы действительно рассказали мне всю правду?» Ч. сразу же заявила, что именно сегодня хотела сообщить о новых, ранее «забытых» эпизодах приобретения «левого» керосина, тут же она подробно рассказала об обстоятельствах преступных сделок с лицами, которых увидела в коридоре.

Возможен вариант данного приема, когда у подозреваемого (обвиняемого) создается преувеличенное представление о широкой осведомленности следователя не по одному преступному

¹ Следственная практика. Вып. 73. С. 89.

эпизоду, а по всему объему его преступной деятельности. Формируется такое представление с помощью проведения комплекса следственных действий, например очных ставок.

Так, следователь приступил к допросу подозреваемой М., располагая показаниями трех женщин, которым она производила аборты. Подозреваемая отрицала факты производства абортов. Тогда следователь предупредил ее, что ежедневно будет ей доказывать по одному эпизоду ее преступной деятельности. Допросив М. по первому эпизоду, он затем провел очную ставку с ее клиенткой. М. признала этот криминальный аборт, другие же факты отрицала. На следующий день были проведены допрос М. и очная ставка с клиенткой по второму эпизоду. Этот эпизод М. также была вынуждена признать. Так же получилось на третий день с третьим эпизодом. На четвертый день обвиняемая сама рассказала о 30 произведенных ею абортах и одном детоубийстве, о которых никаких сведений в деле не было. Такая дозированная последовательность действий создала у допрашиваемой представление, что обо всем объеме ее преступной деятельности следователю известно и что дальнейшее сопротивление бесперспективно.

В завершение рассмотрим случай, когда данный тактический прием был осуществлен с помощью действий, представляющих нарушение закона и компрометирующих как следователя, так и результат его работы.

По подозрению в совершении ряда грабежей и других преступлений были задержаны два брата С. — Николай и Петр. Они отрицали свою причастность к каким-либо преступлениям, а доказательств их вины в то время было недостаточно. С одним из задержанных — Николаем С. состоялся разговор следующего содержания:

— Вы утверждаете, что ни Вы, ни Ваш брат Петр никогда не совершали преступлений?

— Да, мы жили честно и никогда преступлений не совершали.

— Ваши показания правдивы?

— Безусловно, правдивы.

— В таком случае Вы могли бы сказать Петру следующую фразу: «Петя, я рассказал всю правду, говори и ты».

После некоторых раздумий Николай согласился. Встречу братьев соответствующим образом подготовили. Впоследствии Николай С. рассказывал, что он согласился на такой шаг, надеясь, во-первых, подать брату какой-либо тревожный знак, а во-вторых, будучи уверен, что Петр все равно не поверит его словам, так как они заранее договорились ни при каких условиях не признаваться. Благодаря принятым мерам осуществить свое первое намерение Николаю не удалось, и Петр, как только за братом закрылась дверь, начал давать правдивые показания, рассказав о своей преступной деятельности значительно больше того, что было известно следствию. Узнав об этом, дал затем правдивые показания и Николай.

Проанализируем приведенный случай. Николай С. лгал, отрицая совершение вместе с братом преступлений, но назвал эту ложь (не без помощи следователя!) правдой. Таким образом, черное было выдано за белое. Предлагая Николаю произнести перед братом фразу «Петя, я рассказал всю правду, говори и ты», следователь шел на обман Петра, вовлекая в это Николая, который позднее и сам говорил, что понимал обманную суть предложения следователя, но надеялся обман нейтрализовать. Обман состоял в том, что в произносимой Николаем фразе подменялось содержание слова «правда», о чем знали Николай и следователь, но не мог знать Петр. Кроме того, роковое дополнительное к «правде» значение имело слово «все». Именно оно и побудило Петра признаться не в части, а во всех совершенных преступлениях. Важно отметить еще и то, что здесь обман был не простым, где одно лицо обманывает другое, а сложным — с использованием посредника, который, в конечном счете, и сам стал жертвой этого обмана.

В данном случае налицо грубейшее нарушение следователем требований ч. 4 ст. 164 УПК РФ, запрещающих применение в ходе следственных действий незаконных мер, к каковым, безусловно, относится и обман.

Подводя итоги рассмотрения тактических приемов при допросе, укажем, что успех применения того или иного из них трудно прогнозировать заранее, поскольку это зависит от многих факторов, в том числе и от особенностей личности допрашиваемого, его интеллектуального, эмоционального и культурного уровней, жизненного опыта. Одному бывает достаточно только намекнуть на отдельные, известные следователю обстоятельства совершенного преступления, другой будет упорствовать и при предъявлении ему всей совокупности имеющихся против него улик, третьему важно знать лишь то, как ведут себя соучастники, которых он не хотел бы выдать, четвертый готов рассказать правду, если будет уверен, что это смягчит его ответственность, и т. п.

Поэтому следователь должен постоянно совершенствовать свой тактический потенциал, изучать разрабатываемые наукой и передовой следственной практикой тактические приемы допроса. Еще раз хочется напомнить, что допрос — это одна из вершин следственного мастерства, что по многим делам он становится настоящим сражением умов и воли его участников. Закон ориентирует следователя на победу в таких сражениях,

но для этого ему необходимы, помимо узко профессиональных знаний, развитый интеллект, знание психологии, выдержка, воля, наблюдательность, а также высокая нравственность и человеколюбие.

Глава 3

ТАКТИКА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) С УЧАСТИЕМ ЗАЩИТНИКА

Общеизвестно, что обычный допрос протекает наедине: в нем только два участника — следователь и допрашиваемый. Такая интимная обстановка благоприятствует следователю в достижении целей допроса, ибо создаются условия, необходимые для установления с допрашиваемым психологического контакта, а отсюда — для проведения с ним доверительной беседы, располагающей допрашиваемого к искренности. Никто и ничто не отвлекает, не мешает сосредоточиться: следователю — на выполнении программы допроса, допрашиваемому — на точном уяснении смысла каждого из вопросов следователя и формулировании ответов на них.

Участие защитника в допросе подозреваемого (обвиняемого)¹ привносит существенные осложнения организационно-тактического характера, которые оказывают серьезное влияние на процесс и результаты допроса. В связи с этим участие защитника в допросе подозреваемого следует рассматривать как особое обстоятельство, требующее от следователя дополнительной процессуально-тактической подготовки.

Появление защитника в качестве третьего участника допроса резко меняет привычную для следователя ситуацию данного следственного действия. Допрос сразу же лишается такого важного психолого-тактического компонента, как интимность. Уже само по себе присутствие при допросе всякого третьего лица (независимо от цели его присутствия), естественно, наблюдающего за действиями следователя, сковывает последнего, ограничивает спектр используемых им тактических возможностей.

Однако защитник — не простое третье лицо, а юрист-профессионал, под интеллектуальным и профессиональным

¹ Ввиду равнозначности основных тактических проблем, связанных с участием защитника в допросе и подозреваемого, и обвиняемого, далее нет необходимости повторять обе разновидности допрашиваемых. Поэтому будет употребляться одна из них — подозреваемый.

контролем которого проходит вся деятельность следователя при допросе. К этому нужно добавить, что он представляет интересы отнюдь не следствия и следователя, а лица, заподозренного в преступлении и, как правило, стремящегося (не без помощи защитника) путем отказа от дачи показаний или дачи заведомо ложных показаний избежать своего изобличения в преступлении. Поэтому нетрудно себе представить, с какой внимательностью и придирчивостью защитник будет отыскивать малейшие промахи в действиях следователя — своего процессуального противника — и использовать их как в текущем допросе, так и в ходе дальнейшего судопроизводства.

Следователь, конечно, сознает, что во время допроса является объектом заинтересованного изучения со стороны защитника. Отсюда вполне естественным и разумным является его желание «не быть прочитанным», не раскрываться перед защитником, не показывать ему своих профессиональных качеств, всех граней тактического мастерства. Поэтому он вынужден сузить круг тактических приемов, используемых при обычном (без защитника) допросе, упростить приемы эмоционального воздействия на допрашиваемого, почти исключить приемы логического воздействия на него с помощью конкретных доказательств, дабы не раскрыть преждевременно доказательственной базы по делу. Все это, безусловно, отрицательно сказывается на результатах такого допроса. Но это лишь одна сторона рассматриваемой проблемы, лежащая в плоскости отношений «следователь—защитник».

Не менее важную роль играет и другая ее сторона, связанная с доверительными и в основе своей скрываемыми от следователя отношениями в системе «защитник—подзащитный».

Понятно, что участие любого третьего лица в допросе не желающего быть изобличенным в преступлении подозреваемого создает для последнего определенные тактические преимущества. У него появляется возможность придумывать и использовать формально оправданные или вовсе не оправданные отвлечения по ходу допроса в сторону третьего лица, чтобы искусственно увеличивать число и продолжительность пауз для обдумывания ответов на вопросы следователя, противодействовать его попыткам установить и поддерживать психологический контакт с допрашиваемым и т. п.

Но защитник — не нейтральный третий, а союзник допрашиваемого и оппонент следователя, знающий условия, механизмы и возможности расследования. Кроме того, он в большей или

меньшей мере знает и самого следователя — его интеллектуальный и нравственный уровень, профессиональный потенциал, в том числе и слабости. Именно с учетом всех этих факторов, а также особенностей расследуемого преступления он и будет осуществлять при допросе защиту интересов подозреваемого. Для противодействующего установлению истины подозреваемого участие защитника на допросе — это огромная поддержка, на которую он как раз и рассчитывает.

При кардинальном расхождении интересов участников допроса по отношению к установлению истины складывается конфликтная ситуация, обуславливающаяся тактической борьбой сторон за достижение своих целей. При этом участие защитника в допросе подозреваемого резко усиливает потенциал их тактического сопротивления установлению истины и существенно осложняет следователю достижение целей допроса.

Говоря о необходимости повышения тактического мастерства следователя в проведении допроса подозреваемого именно с участием защитника, сразу же подчеркнем, что речь идет об освоении им необычной, не исследовавшейся подробно ни в процессуальной, ни в криминалистической литературе организационно-управленческой составляющей этого мастерства — о процессуально безупречном и тактически грамотном *управлении всей процедурой допроса подозреваемого и поведением его участников*.

Традиционные тактические рекомендации по проведению допроса касаются круга вопросов, подлежащих выяснению (его программирования), а также использования тактических приемов, направленных на получение от допрашиваемого правдивых показаний. Эти рекомендации направлены «вовнутрь» — на улучшение *самоорганизации* следователя. Практически не исследовался тактический аспект внешней, организационно-управленческой, деятельности следователя при допросе, направленной на других лиц.

Актуальность данного аспекта исследования обуславливается, с одной стороны, почти постоянным нарушением защитниками предусмотренных законом условий своего участия в допросе, а с другой — тем, что следователь не знает или слабо осознает управляющее, тактическое значение этих условий, в силу чего либо не видит названных нарушений, либо не знает, как их пресечь. Неумение многих, особенно молодых, следователей управлять ходом допроса в условиях противодействия со

стороны его участников является слабой стороной их процессуально-тактической подготовки.

Переходя к подробному исследованию поставленной проблемы, прежде всего отметим, что предлагаемые ниже тактические рекомендации по управлению допросом базируются на конкретных требованиях соответствующих норм УПК РФ и на логическом толковании смысла их отдельных положений.

В соответствии с ч. 2 ст. 53 УПК РФ защитник наделен правом задавать с разрешения следователя вопросы допрашиваемым лицам¹. Именно постановка вопросов выступает для защитника основным средством тактической борьбы со следователем. При этом защитник стремится как можно раньше вмешаться в ход допроса и начать задавать своему подзащитному вопросы (иногда — с разрешения следователя, а чаще всего — без него), чтобы перехватить у следователя инициативу и направить течение допроса в выгодное для себя русло.

Помимо этого защитники очень часто задают своим подзащитным *наводящие вопросы*, запрещенные законом². Следователи же совершенно не реагируют на эти нарушения. Во всяком случае — не отражают данных фактов в протоколах допроса, не пресекают такие нарушения.

Здесь следует указать на одну из тактических уловок, обычно применяемых защитниками. В любой нужный им момент они вмешиваются в ход допроса, *не задавая вопроса*. Делается это следующим образом: как только следователь задает тактически опасный для допрашиваемого (с позиций защитника) вопрос, так сразу же, упреждая его ответ, защитник вмешивается в ход допроса *под видом необходимости прокомментировать допрашиваемому смысл вопроса следователя*. На самом же деле путем многословного перефразирования вполне понятного и без комментариев вопроса защитник, во-первых, раскрывает перед подзащитным тактическую идею вопроса следователя, а во-вторых, вводит в свои комментарии дополнительную информацию, наводящую допрашиваемого на выгодный для обоих ответ.

¹ Следует заметить, что в указанной норме о допрашиваемых лицах говорится во множественном числе. Это означает, что законодатель имеет в виду участие защитника не только во множестве отдельных (с одним допрашиваемым) допросах, но и в «допросах на очной ставке» между двумя ранее допрошенными лицами с правом задавать вопросы каждому из них.

² В ч. 2 ст. 189 УПК РФ прямо говорится, что «задавать наводящие вопросы запрещается».

«Присоединяясь» к вопросам следователя, защитник создает видимость «игры на стороне следователя» и тем самым скрывает свой интерес во вмешательстве в ход допроса. Таким образом он избегает необходимости испрашивать у следователя предусмотренные законом разрешения. Следователи, с опозданием осознавая деструктивный характер такого вмешательства, теряются и не пресекают его ни в первом таком случае, ни в последующих по ходу допроса.

Происходит это, думается, потому, что им трудно определиться в самой ситуации нарушения, ибо они не знают: 1) какие конкретные условия процедуры допроса нарушены защитником; 2) какими процессуальными и логическими аргументами следует пресечь несанкционированное вмешательство защитника в допрос; 3) каким образом отразить, зафиксировать допущенное защитником нарушение в протоколе допроса.

Так что же надлежит делать следователю, столкнувшемуся с указанной ситуацией? К решению этой проблемы имеют отношение рекомендации общего и частного характера. Начнем с рекомендаций общего плана.

Прежде всего следователю необходимо раз и навсегда проникнуться глубинным пониманием *базовых положений процессуального закона, определяющих его роль в осуществляемой им должностной деятельности.*

Согласно ч. 1 ст. 38 УПК РФ именно он уполномочен «осуществлять предварительное следствие по уголовному делу», а в соответствии с п. 3 ч. 2 этой же статьи — «самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий».

В этих положениях закона однозначно определена *главенствующая роль следователя* в расследовании преступления вообще и в проведении различных следственных действий в частности. Именно ему поручено решать с помощью следственных действий познавательные задачи, диктуемые особенностями расследуемого преступления. Как организатор и исполнитель следственного действия следователь, несомненно, является и его распорядителем — «хозяйном» следственного действия, управляющим всей его процедурой от начала и до конца¹. Он обязан и

¹ И действительно, именно следователю (дознавателю) законодатель поручает: 1) определять место и время допроса (ст. 187 УПК РФ); 2) осуществлять вызов на допрос (ст. 188 УПК РФ); 3) принимать решения об использовании на допросе вещественных доказательств и документов, о проведении в ходе допроса фотографирования, аудио- или видеозаписи,

сам соблюдать все элементы этой процедуры и — это главное — властно требовать того же от других его участников, пресекая их попытки нарушить те или иные ее требования.

На этапе подготовки к рассматриваемым допросам следователи, к сожалению, редко моделируют характер предстоящей тактической борьбы, не прогнозируют вероятных форм ее проявления в нарушениях защитником конкретных условий своего участия в допросе и в результате *оказываются не готовыми к процессуальной защите своих тактических интересов от посягательств на них со стороны защитника.*

Эта неготовность в значительной мере связана с неполным представлением следователей о своих профессиональных, должностных возможностях при допросе и их соотношении с аналогичными возможностями защитника. Нет четкого понимания того, что следователь является той единственной фигурой, которой законодатель поручает вести допрос, он «свободен при выборе тактики допроса» (ч. 2 ст. 189 УПК РФ).

Основываясь на этих базовых положениях, следователь и должен разработать тактический план допроса, организовать проведение допроса, осуществлять контроль за его ходом, за поведением участников, за получаемыми результатами.

С другой стороны, нужно понимать, что *защитник не ведет допроса. Он всего лишь участвует в его проведении.* Его роль в допросе вторична (по сравнению со следователем) и по своему содержанию — минимальна. Функция защитника на допросе — оказать юридическую помощь допрашиваемому подзащитному, но не выходя при этом за рамки предоставленных ему весьма ограниченных полномочий и не нарушая правил своего участия в процедуре допроса.

Закон, как уже говорилось, предоставляет защитнику право задавать вопросы допрашиваемому не иначе как с разрешения следователя. Право следователя разрешать или не разрешать — это мощный рычаг управления допросом, процессуальный по форме (статусу), тактический по содержанию. Остальные права защитника связаны с формальными аспектами (различными дополнениями протокола законченного следователем допроса), и их использование особых проблем следователю не доставляет.

киносъемки (ст. 189 УПК РФ); 4) привлекать, подчеркнем это особо, к участию в следственных действиях участников уголовного судопроизводства, разъяснять им их права, ответственность, а также порядок производства следственного действия, в том числе и допроса (ч. 5 ст. 164 УПК РФ).

Сопоставление характера функций и правовых потенциалов следователя и защитника на допросе приводит к совершенно однозначному выводу: тактическая линия ведения следователем допроса (естественно, при ее полном соответствии требованиям нравственности и законности) *не может «атаковать», подрываться защитником — этого ему просто не должно быть позволено.* Вот почему любые неконструктивные попытки с его стороны вмешаться в допрос следователь должен немедленно пресекать.

Теперь можно перейти к рассмотрению частных проблем управления допросом, проводимым с участием защитника.

Попытаемся решить простую, на первый взгляд, но на практике — важнейшую задачу: когда, в какой фазе или в какой момент допроса следователь может, если сочтет это допустимым, разрешить защитнику задать один или несколько вопросов допрашиваемому подзащитному.

В ситуациях, когда, по мнению следователя, основанному на оценке его предыдущих взаимоотношений с конкретным защитником, допрос должен пройти бесппроблемно (без тактической борьбы), нет необходимости быть слишком жестким в управлении допросом. Можно в любой момент допроса разрешить защитнику задать один, а затем и несколько вопросов допрашиваемому, внимательно следя при этом за тем, чтобы они не содержали в себе тактических угроз.

Когда же, еще на этапе подготовки, допрос мыслится не иначе как проблемный, предвидится тактическое сопротивление со стороны допрашиваемого и его защитника, то такой допрос изначально требует жесткого управления всей его процедурой. Главная тактическая цель такого управления — исключить преждевременное вмешательство защитника в ход допроса.

На практике жесткое управление допросом означает, что возможность задавать допрашиваемому вопросы следователь может предоставить защитнику только после выполнения своей программы допроса или после того, как убедится в невозможности реализации этой программы, т. е. *не ранее завершения допроса.*

В процессуальном понимании завершение допроса предполагает не только исчерпание вопросов к допрашиваемому, но и оформление показаний последнего в протоколе допроса, ознакомление допрошенного с протоколом, фиксацию в протоколе сделанных им уточнений, дополнений и замечаний, если они были сделаны, и, наконец, подпись допрошенным каждой страницы со своими показаниями и всего протокола в целом.

Только после выполнения всех этих удостоверительных действий следователь может считать свои тактические задачи по допросу подозреваемого выполненными. Если этого не сделать, то в случае, когда защитнику в финальной части допроса вдруг удастся переориентировать допрошенного на отказ от только что данных правдивых показаний, у следователя от его первоначального успеха не останется ничего. К тому же отсутствие протокольной записи первоначальных правдивых показаний допрошенного существенно облегчает защитнику такую переориентацию.

Поэтому до окончания следователем допроса защитник должен смириться с ролью наблюдателя и слушателя происходящего (пассивная функция).

Но следователь ведет допрос целенаправленно, «атакующе», используя различные тактические приемы в борьбе с недобросовестным допрашиваемым, избличая его в противоречиях, ставя свои «хитрые», «роковые» вопросы. Как же в этих условиях защитник может помочь своему подзащитному «не оплошать», не выдать себя как субъекта преступления?

Упредить рискованный ответ подзащитного своим вопросом — нельзя. Остается одно — любыми иными способами, и по возможности незаметно для следователя, подсказать нужное направление ответа. Для этого используются невербальные средства — жесты, мимика, телодвижения, имеющие сигнальное значение и подсказывающие, хотя бы в самом общем плане, на уровне «да—нет», нужный (утвердительный или отрицательный) ответ. Так, движением глаз, мышц лица, головы или руки можно обозначить тревогу по поводу прозвучавшего вопроса, призыв хорошо подумать, прежде чем ответить, и, во всяком случае, не говорить правды¹.

Из сказанного вытекает принципиально важная для следователя тактическая задача: каждый раз при допросе подозреваемого с участием защитника *выдвигать версию о вероятном поведении последнего на этом допросе*. Таких версий может быть две.

Одна из них предполагает, что защитник будет действовать добропорядочно, в рамках закона. Обобщенным основанием для такой версии может служить позитивная оценка прежних (по другим делам) профессиональных отношений с данным защит-

¹ Если правдивые показания в интересах подозреваемого и защитника, то последнему нет нужды подавать допрашиваемому какие-либо сигналы. Они нужны защитнику только при противоположных интересах.

ником, на знании его положительных личностных качеств. При обоснованности данной версии нет повода опасаться использования «запрещенных приемов» со стороны этого защитника. Тактика взаимоотношений с ним в процессе расследования должна строиться на взаимном уважении и доверии.

Однако в этих случаях, благоприятных для успешного сотрудничества с защитником, следователи порой допускают весьма существенную ошибку, от которой их хотелось бы предостеречь. Подчас в силу излишнего должностного апломба следователь без какой-либо необходимости подавляет защитника в присутствии подзащитного своим чрезмерно диктаторским поведением. Очевидно, что это незтично, может обидеть защитника и спровоцировать оправданный протест с его стороны. Но — это частность. Здесь есть и бо́льшая опасность — риск потерять и по данному делу, и на будущее хорошего защитника.

Подозреваемый наблюдает за характером и развитием на допросе взаимоотношений следователя и защитника и, видя «слабость», «уступчивость» последнего, может отказаться от такого беспомощного, по его мнению, «союзника» и пригласить другого, «позубастее». В подобных ситуациях «диктатура» следователя идет во вред делу. А вот подчеркнуто уважительным отношением к добросовестному защитнику как личности и профессионалу следователь поднимает уровень его оценки подозреваемым (а заодно и уровень самооценки защитника) и тем самым не только сохраняет его до конца расследования, но и закладывает хорошую основу для успешного сотрудничества с ним в будущем, по другим делам.

Вторая версия заключается в предположении, что защитник попытается открыто или скрытно использовать противозаконные средства для защиты интересов допрашиваемого. На каком основании следователь может ожидать от защитника подобных действий?

Вскользь уже говорилось, что защитники относительно неплохо знают следователей, с которыми им приходилось сотрудничать, и учитывают личностные и профессиональные качества каждого из них. Но в равной мере и следователи могут и должны знать нравственный уровень и степень профессиональной компетентности местных защитников. Думается, что на местах следственные работники давно уже «классифицировали» должным образом «своих» адвокатов, определили «кто есть кто».

Но как быть в ситуациях, типичных для больших городов (где много следователей и много адвокатов), когда конкретные сле-

дователь и защитник нередко впервые встречаются друг с другом при производстве расследования?

При первой их встрече, естественно, идет взаимное «прощупывание», и начальная оценка друг друга характеризуется высоким уровнем неопределенности. Поэтому для выдвижения какой-либо из названных версий у следователя нет достаточных оснований. Но становится сразу же ясной промежуточная задача — получить соответствующую информацию. Для этого необходимо провести с защитником беседу, предваряющую их первые совместные действия, уделив ей не менее получаса, чтобы иметь реальную возможность поизучать, поспрашивать коллегу. Основное внимание следует обратить на выявление *нравственного облика защитника, ибо он важнее профессионализма*¹. Защитник в этой беседе, со своей стороны, решает те же задачи. Поэтому надо и себя показать на уровне, заслуживающем уважения. Если есть время, можно воспользоваться и другими источниками информации о защитнике.

В целом же тактика взаимоотношений с защитником в неопределенных изначально ситуациях должна строиться по принципу «доверяй, но проверяй», т. е. на основе осторожного, осмотрительного доверия, но с постоянным анализом конкретных форм поведения защитника на допросе, с последующей корректировкой, если это необходимо, характера своего взаимодействия с ним.

Как известно, начальный этап расследования преступлений часто характеризуется более или менее длительным периодом недостаточной информационной определенности. Главным образом это касается аргументации подозрений в отношении конкретного субъекта. На этом этапе часть доказательств еще не обнаружена, некоторые из имеющихся отнесены к доказательствам предположительно, так как необходима проверка их относимости к делу и достоверности, в том числе и требующим много времени экспертным путем. И в довершение всего — еще не допрошен подозреваемый. Таким образом, доказательственная база на этом этапе часто и недостаточна, и противоречива (неоднозначна).

С учетом этого очень важного обстоятельства следует сказать прямо, что законодательное допущение защитника к участию в деле на этом этапе расследования, и прежде всего право на свида-

¹ Нарушения отдельными защитниками правил своего участия в допросе подозреваемых обусловлены отнюдь не незнанием этих правил.

ние с подзащитным наедине до его первого допроса, объективно предоставляет защитнику безграничные и совершенно не контролируемые возможности с наибольшим для следствия уроном воспользоваться временной недостаточностью и противоречивостью доказательственной базы по делу и существенно повредить ее.

На таком свидании защитник раньше следователя может узнать из рассказа подзащитного — совершил ли он преступление, в котором подозревается, и если да, то получить точное, детальное описание всех его обстоятельств. На основе этого рассказа защитник без особого труда может построить мысленную динамическую модель данного преступления, по ней вычислить закономерные следы и улики, которые должен был оставить на месте происшествия и в других местах его подзащитный.

Оценив полученную от подзащитного информацию, защитник: 1) намечает общую стратегию его поведения на предварительном следствии; 2) формулирует для него правдоподобную (согласующуюся с механизмом и обстоятельствами преступления) оправдательную версию и 3) разрабатывает схему показаний, подтверждающих эту версию (например, версию о необходимой обороне при убийстве и ложный, трудно опровергаемый рассказ о ее обстоятельствах). Теперь все это остается довести «до ума» подзащитного и... тот готов к своей первой встрече со следователем на допросе, причем с непосредственной поддержкой того же защитника.

Но это не все, а лишь одно из возможных направлений тайного противодействия защитника установлению истины по делу. На таком свидании защитник может узнать и другое: кому еще и что именно известно о совершенном подзащитным преступлении, где находятся орудие преступления, одежда преступника, похищенные предметы и ценности, могущие при их обнаружении следователем стать вещественными доказательствами, изобличающими подзащитного. Располагая такой информацией, которой, разумеется, не обладает следователь, защитник может, посоветовавшись с подзащитным о кандидатурах исполнителей из числа его родственников, друзей, знакомых, получив у него номера их телефонов и адрес, организовать с помощью этих лиц соответствующее воздействие на потерпевших или свидетелей, принять срочные, упреждающие следствие, меры по уничтожению отдельных доказательств, перепрятыванию или ликвидации предметов, несущих обвинительную информацию.

К тому же следует учитывать, что уже через один—два дня после беседы наедине со своим подзащитным защитник будет

точно знать от исполнителей результаты проделанной ими работы: какие конкретно предметы либо документы, изобличающие его подзащитного, уничтожены, какие иные данные о преступлении гарантированно не попадут в руки следователя. Опираясь на полученную таким образом информацию, защитник разрабатывает и общую позицию подозреваемого по делу, и содержание его показаний (если от них, по мнению защитника, не следует отказываться).

Понятно, что после такой разрушительной «работы» защитника следователю на первом допросе подозреваемого уже «нечего ловить». И если подозреваемый согласится давать показания (что почти невероятно), то следователю остается бороться за получение от допрашиваемого хоть какой-нибудь полезной информации, относящейся к преступлению. Рассчитывать на большее просто не приходится.

В процедуре допроса с участием защитника есть ряд типичных моментов, требующих определенных тактических реакций и решений со стороны следователя.

Одной из существенных ошибок следователей является недооценка ими тактического значения правильного «открытия» допроса с участием защитника. В ситуациях с «ненадежным» или неизвестным защитником следователю рекомендуется перед началом допроса выполнить предписанный законом «ритуал» его открытия (подобно тому, как это делается на любом собрании председателем). Как организатор и исполнитель допроса следователь должен назвать его участников, каждому разъяснить права и обязанности. Таким простым и естественным способом он обозначает свою «председательскую», управляющую функцию. При этом необходимо специально выделить те предусмотренные законом обязанности, нарушение которых «ненадежным» защитником не исключается или даже прогнозируется. Так, требуется прямо сообщить защитнику, что правом задавать вопросы допрашиваемому он может воспользоваться не ранее того, как следователем будет закончен допрос. Повторим еще раз: тактическая цель этого предупреждения состоит в том, чтобы без помех со стороны защитника решить свои задачи в ходе допроса прежде, чем он начнет решать свои — противоположные.

Ранее уже говорилось, что иногда по ходу допроса защитник может пытаться не только словами, но и невербальными средствами подсказать допрашиваемому нужный ответ на вопрос следователя. При этом защитник использует то благоприятное для себя обстоятельство, что следователь в ходе допроса вынуж-

ден многократно отвлекаться для записи в протокол показаний подозреваемого, в силу чего он на определенные промежутки времени утрачивает визуальный контроль за поведением участников допроса. Этими моментами, пусть и кратковременными, но многочисленными, они могут воспользоваться в своих интересах для обмена, незаметно для следователя, тактически важной информацией путем передачи друг другу необходимых сигналов с помощью мимики, жестов, движений частями тела и т. п.

Предвидя такого рода «ходы» названных участников допроса, следователь должен предпринять меры, если не исключаящие, то в значительной степени ограничивающие их возможности в обмене указанными сигналами. Для этого в кабинете, где будет проводиться допрос, следователю рекомендуется разместить допрашиваемого и его защитника в зоне наилучшей видимости для себя. Помимо этого по отношению к допрашиваемому (обычно правильно размещаемому напротив следователя) защитника следует разместить так, чтобы любая попытка их негласного общения при допросе требовала от кого-либо из них поворота головы, туловища и тем самым привлекала бы к себе внимание следователя. В этих целях лучшим тактическим решением рассматриваемой задачи будет такое: разместить защитника за небольшим отдельным столиком в 1,5—2 метрах левее или правее допрашиваемого и не менее чем на один метр позади него.

Поскольку рекомендации следователю по размещению в своем кабинете участников допроса являются тактическими, то понятно, что практической подготовкой намечаемого их размещения нельзя заниматься в их присутствии. Все необходимо и продумать, и практически подготовить до прибытия участников допроса (убрав из кабинета лишние стулья), чтобы не было иных вариантов размещения пришедших в кабинете следователя, кроме заранее подготовленного.

Для успешной борьбы с указанными фактами (а в конечном счете — со всеми формами противозаконной деятельности отдельных защитников) нужно в соответствии с требованиями закона (п. 4 ст. 166 УПК РФ) фиксировать в протоколе допроса конкретную редакцию словесной (вербальной) или описание содержания невербальной подсказки, чего следователи практически не делают.

В случае произнесения защитником словесной подсказки при очевидно «подрывном» характере ее содержания необходимо: 1) сразу же, на любом слове прервать запись в протоколе показаний допрашиваемого, поставив многоточие, и прочеркнуть

оставшуюся незаполненной часть строки, а затем и всю следующую (пустую) строку бланка протокола допроса (чтобы отделить последующий текст от частично записанных показаний); 2) отметить, что запись показаний допрашиваемого прервана в связи с тем, что его защитник (фамилия) после вопроса следователя (дается текст вопроса) без разрешения следователя, т. е. в нарушение условий своего участия в допросе, произнес фразу ... (по возможности процитировать ее, заключив либо всю фразу или часть ее с подсказывающими ответ словами в кавычки); 3) дать оценку этой фразе, словам или одному слову как подсказке допрашиваемому, наводящей его на положительный или отрицательный ответ на вопрос следователя; 4) сделать и зафиксировать в протоколе официальное предупреждение защитнику о недопустимости подобных нарушений; 5) после сделанных записей вновь прочеркнуть оставшуюся незаполненной часть строки и следующую свободную от текста строку бланка протокола; 6) продолжить запись показаний допрашиваемого, начав с многоточия и второй, ранее прерванной, части фразы.

При повторном нарушении защитником правил участия в допросе необходимо, во-первых, отразить вновь допущенное нарушение по указанной выше схеме, во-вторых, и это главное, решить — как быть дальше: продолжить допрос, допуская возможность и третьего «срыва» защитника (и тем самым расписаться в своем бессилии реально пресечь противозаконное поведение защитника) или отстранить защитника от участия в данном допросе и удалить его из кабинета. Если следователь решится на такой смелый и неординарный поступок, то о фактах отстранения и удаления защитника нужно сделать запись в протоколе, указав, что основанием для столь необычных его действий явились неоднократные нарушения защитником предусмотренных законом условий участия в допросе.

Более сложной представляется процедура фиксации подсказки, переданной защитником допрашиваемому невербальным способом. Отдельно взятое движение лица, руки, ноги, тела и т. п., даже если оно, по мнению следователя, отчетливо сигнально, сразу признать преднамеренным нарушением правил допроса нельзя, так как трудно опровергнуть иное объяснение защитником этого своего движения, например, как случайного, произвольного. Однако даже при допущении такого объяснения защитника основания для устного замечания по этому поводу есть: на то и замечание, чтобы подобное больше не повторилось. Письменно оно может и не фиксироваться.

Но всякий повторно, уже после устного замечания, перехваченный следователем сигнал — безусловное основание для признания сразу обоих (и первого, и второго) сигналов суммой намеренных нарушений порядка допроса со стороны защитника, подлежащих обязательной фиксации в протоколе.

Делается это, в основном, по указанной выше схеме, но с небольшими изменениями. В пункте третьем данной схемы, под прочеркнутой строкой, следователь делает текстовую отметку примерно следующего содержания: «Запись показаний подозреваемого прервана в связи с тем, что присутствующий при допросе защитник (фамилия) дважды нарушил предусмотренные процессуальным законом условия своего участия в допросе подозреваемого. Первое нарушение состояло в том, что в момент, когда прозвучал вопрос следователя (указать какой) и допрашиваемый обдумывал ответ, защитник неожиданно сделал движение (описать какое). Поскольку защитник объяснил указанное движение случайностью, в протоколе оно отражено не было. Защитнику было сделано устное замечание о недопустимости подобного. Однако, несмотря на сделанное замечание, защитник (фамилия) допустил повторное нарушение в виде скрытой попытки подсказать допрашиваемому нужный ответ, выразившейся в... (описать, истолковать жест, движение как сигнал к определенному ответу). Эти нарушения дают основание признать их намеренными попытками защитника повлиять на ответы допрашиваемого в выгодном для себя направлении, т. е. нарушением установленных ч. 2 ст. 53 УПК РФ правил своего участия в допросе. В связи с отмеченными нарушениями защитник отстраняется от участия в допросе. Вопрос о его дальнейшем участии в деле будет рассматриваться особо». Далее в соответствии с вышеуказанной схемой завершается прерванная запись прозвучавших еще при защитнике показаний допрошенного.

Вслед за этим сразу же возникает проблема — как быть с окончанием данного допроса. Есть два варианта ее решения, но выбор любого из них — за допрашиваемым. Ему требуется разъяснить, что либо, с его согласия (последнее зафиксировать), допрос будет продолжен и закончен без защитника, в обычном порядке, либо немедленно прекращен на том, что было достигнуто к моменту удаления защитника, т. е. будет оставлен незавершенным. В соответствии с волеизъявлением допрошенного и следует поступить.

Затем, разумеется, нужно довести до логического конца решение возникшей при допросе проблемы с защитником, а

именно: 1) доложить об инциденте с защитником прокурору; 2) по согласованию с ним — без промедления (сразу же по завершении допроса) — подготовить представление на имя председателя коллегии адвокатов, в штате которой состоит отстраненный от участия в допросе защитник, с подробным описанием допущенных им процессуальных нарушений и предложением принять к нему меры.

Данная проблема требует более серьезного законодательного разрешения. Обозначим лишь основания для этого. Поскольку законодатель нигде не говорит о невербальных нарушениях правил участия в допросе, может показаться, что они вообще не относятся законодателем к числу нарушений. Но это не так. Дело в том, что словесные (вербальные) нарушения являются *открытыми, очевидными для следователя*. Поэтому они и вызывают у него законную реакцию по их пресечению. Невербальные же сигналы-нарушения осуществляются скрытно, тайно от следователя, т. е. путем его *обмана*. Этим своим свойством они гораздо опаснее первых, ибо, не будучи замечены следователем, не могут быть пресечены. Представляя собою акты тайного вмешательства в ход допроса, каждый в отдельности невербальный сигнал затрудняет следователю выполнение той или иной частной задачи допроса. Но, не будучи замеченными и пресеченными, эти сигналы-нарушения могут неоднократно повторяться и тогда, уже суммарно, разрушить весь тактический план следователя по допросу. Совершенно ясно, что описанное тайное вмешательство защитника в ход, а фактически — в управление допросом, противоречит не только правилам его участия в допросе, но и общему духу законности, а посему должно не только профилактиться следователем во время допроса, но и влечь более жесткие меры процессуального воздействия на нарушителя, начиная с отстранения его от участия в следственном действии и вплоть до отстранения от участия в деле в целом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	3
Глава 1. ТАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОДГОТОВКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ К ДОПРОСУ.....	5
Глава 2. ОСНОВНЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ДОПРОСА.....	16
Глава 3. ТАКТИКА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) С УЧАСТИЕМ ЗАЩИТНИКА.....	41

*Станислав Константинович ПИТЕРЦЕВ,
канд. юрид. наук, доцент
Александр Алексеевич СТЕПАНОВ,
канд. юрид. наук, доцент*

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ДОПРОСА

Учебное пособие

Издание четвертое, переработанное

Редактор *Н. В. Бибикина*
Корректоры *Н. В. Федорченко, Н. Я. Ёлкина*
Компьютерная верстка *Н. В. Федорченко*

Подписано к печати 08.09.2006 г. Бум. тип. № 1.
Гарнитура “Times New Roman”. Ризография. Печ. л. 3, 5
Уч.-изд. л. 3,75. Тираж 500 экз. (1-й завод 1—300) Заказ 1794.

Редакционно-издательский отдел
Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ

191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44

Отпечатано с оригинал-макета в печатно-множительной лаборатории
Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ